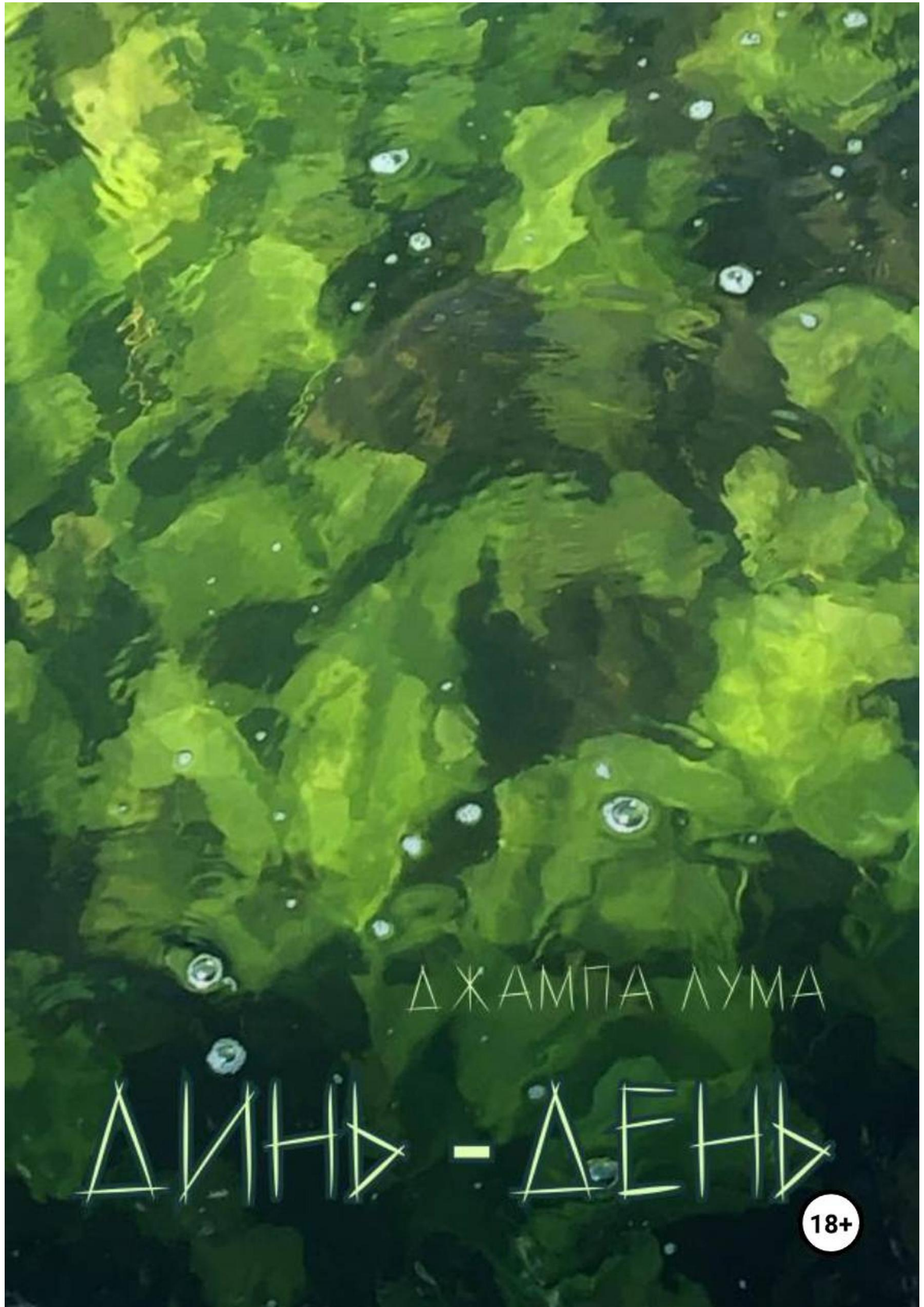

The background is an abstract, textured composition of various shades of green and yellow, resembling a close-up of foliage or a microscopic view. Scattered throughout are numerous small, white, circular highlights that look like dew drops or light reflections.

ДЖАМПА ЛУМА

ДИНЬ - ДЕНЬ

18+

Джампа Лума

Динь-День

«Автор»

2026

Лума Д.

Динь-День / Д. Лума — «Автор», 2026

Близкие люди называют Светлану Светлячком, воспринимая как исключительно светлую личность. Но она не согласна с такой однобокой характеристикой и пытливо вглядывается в темные стороны своей натуры, не отрицая, а признавая и изучая их. Тем временем судьба преподносит ей сюрприз за сюрпризом, подвергая жестоким испытаниям. Чертовщина, предательства, тяжелая травма, болезни и нищета, чудовищные разоблачения – беды сыплются на нее словно из рога изобилия. Ее налаженная жизнь переворачивается с ног на голову и разбивается вдребезги, но, потеряв все, она обретает нечто гораздо большее, чем имела – Себя и настоящее Счастье. Размышления героини легко и незаметно уводят читателя за собой, заставляют радоваться и протестовать, сострадать и изумляться, погружаться в глубины сознания и Вселенной, взмывать над бранным и, растворяясь в окружающем мире природы, совершать важнейшие открытия в самом доступном и самом недостижимом для нас - собственном внутреннем мире.

© Лума Д., 2026

© Автор, 2026

Джампа Лума

Динь-День

Глава 1 ЗНАКОМСТВО

Я не помню точно, когда увидела их, Динь-Деней, в первый раз. Силюсь уловить те минувшие звуки и запахи, замершие движения воздуха и света, но это так же сложно, как, находясь в хмуром ноябре, явственно представить себе упоительный май - полгода не один день. А воспоминания, заваленные событиями десятилетий, нагромождением переживаний, и подавно - они утрачивают живость, размываются, уподобляются статичным, разрозненным картинкам.

Остается уверовать в силу своей памяти, как в знание о том, что любая тоска сменяется надеждой, что нет вечного горя, как, впрочем, и вечного счастья - всякое начало обречено на конец. Осеннее великолепие обернется тленом и гибельной зимней стужей, нестрашной для бессмертной Геи - она обязательно высвободится из оков льда и снега, умоется вешними ручьями и, благоухая и цветя, бросится в объятия лета. От их союза родятся плоды, и природа, став матерью, царственно-горделиво оденется в парчу и золото, а скинув их, вновь погрузится в сон: вслед за утром приходит день, за днем - вечер, а за вечером наступает ночь. И так год за годом, век за веком, с нами или без нас.

Мы подружились, когда земля кружилась, невестилась, безгрешно красуясь в предвкушении страстной любви. Дата встречи, судьбоносно смешавшей и разметающей прошлое и будущее четырех человек, канула в той далекой весне, мы не могли разминуться, немыслимое переплетение жизней связалось в тугой роковой узел.

Динка - девчонка, столь вдохновенно яркая, что своим сиянием затмевала солнце, склоняющееся к горизонту и пока еще по-весеннему скромно целующее щеки прохожих. Молоденький чертенок в коротких бриджах, мальчишеском пиджаке и лихом кепи, пошитых из ткани в крупную, крапчатую, коричнево-бежевую клетку.

Заметив, что я изучаю ее наряд, она дерзко уставилась на меня, я вздрогнула и стушевалась, но не сумела отвести взгляда, пропав в зелено-карей топи ее глаз, одновременно и бесшабашно озорных, и печально мудрых, чуть раскосых, с блуждающими в них золотистыми болотными огоньками.

Ее выразительное лицо с неправильными, но милейшими чертами, не затеряется ни в одной толпе. Может, она у нас и не красавица, но исключительно хорошенькая, все волея-неволей засматриваются на нее. В ту пору Дина воображувальничала и имела обыкновение высокомерно поджимать свои чувственные, излишне полные губы. «Молодец, что не пользуется косметикой, помада сделала бы ее вульгарной», - решила я.

Кепи то и дело слетало с ее густых непослушных каштановых вихров. Смуглая, вся в ссадинах и в дорожной грязи - сорванец, девочка Том Сойер. Я воспринимаю Дину именно такой, впервые увиденной, даже по прошествии многих лет знакомства ее образ в моем сознании сохраняется тем самым - прежним. Он неизменен, неподвластен времени, ведь всем нам свойственно воссоздавать радостные моменты, а горестные держать под неприкосновенным налетом пыли, и чем толще ее слой, тем нам легче.

А в парне я отметила лишь то, что он похож на нее, под стать ей. Уже позже я поразились идеальности их дуэта. У него были такие же пышные волосы, только русые, и глаза, хоть и серые, но тоже слегка раскосые и с искорками. Тихий, вдумчивый, основательный, преданный, а главное - неразрывный с Диной, и если она - цветок, бриллиант, божество и голос, то он - ее стебель, опора для блеска, священный храм и свод, дающий акустику.

Оба гибкие, с высоко поднятыми головами, подвижные, счастливые, легкие и по воробыному звонкие. И имена – Дина и Денис. Динь-День, так окрестил их мой муж, и это прозвище подходило им как нельзя лучше.

Коля любил придумывать разные забавные словечки и словосочетания, меня величал Светом Ясным, Светлячком, Жenuлей-Светулей, Светулей-Красотулей и тому подобными эпитетами, а нашу семью – Светиль-Ником, включенным Гименеем: Светлана и Николай. Глупый мой муж, муж мой возлюбленный. Теперь даже не верится, что когда-то мы принадлежали друг другу.

Динь-Дени моя находка, я столкнулась с ними у подножия одной из центральных Выборгских улиц, в Старом городе, где все дороги – средневековые, булыжно-мостовые горы. Я, а не Николай, стала первооткрывателем этой диковинной пары, так путешественники дарят миру неизведанную землю - она впечатляет, изумляет, восхищает, а порой ужасает, но уже не отпускает от себя. Чужие традиции, культура, нравы и суеверия врываются в обыденное существование безудержными потоками экзотики, опрокидывают незыблемые устои и правила, сливаются с повседневностью, становятся привычными и необходимыми, и целые народы, хотя они того или нет, оказываются в новой исторической эре, что уж говорить о нас двоих: обо мне и моем муже.

Наша встреча прилась на весенний вечер, сладкий и благоухающий, пропитанный малиновым закатом и медовым ароматом хохлатки, распустившейся повсюду фиолетово-зелено-лимонными коврами. Конец апреля, май? Как знать, может и начало июня. «Какая разница», - скажете вы. А для меня очень важно, но мучительно невозможно вспомнить – когда именно, в какой день? Чтобы отыскать гороскопы на ту дату и посмотреть, что за звезды сошлись над нами, какой невообразимый парад планет? Ведь настолько запутанное стечение обстоятельств допустимо лишь в надуманных романах, но никак не в реальности.

Шел третий год моего замужества и какой-то месяц проживания в Выборге, куда мы с супругом перебрались из съемного питерского шалаша, решив свить семейное гнездо в самом романтичном из северных городов. Я, не имея ни деловой, ни хозяйственной хватки, ни каких-либо навыков обустройства быта, тогда до такой степени забегалась, запыленно порхая по дизайнерам, интерьер-студиям, бутикам и магазинам, что совершенно потеряла счет времени и, стыдно сказать, не замечала ни пришествия весны, ни преобразившейся от нее Выборгской красоты.

Шутка ли: обжиться на двухстах с лишним метрах уникальной двухуровневой квартиры. Более-менее готовы были кабинет мужа, наша спальня, кухня, ванная и туалеты, а что делать с гостиной, гостевыми спальнями, моим будуаром и прочими помещениями, остававшимися пустыми, я не представляла.

Муж чурался бытовых хлопот и принимал в них только финансовое участие. Он словно субмарина погрузился в пучины бизнеса и всплывал из них не чаще раза в неделю, чтобы отоспаться. Все наше общение происходило в постели, мы с ним почти не разговаривали, но, несмотря на то, ощущали редкую душевную близость. Так бывает на первых порах брака, когда язык взглядов и прикосновений заменяет речь, секс неразрывен с любовью, и спят не иначе как в обнимку.

Да, тогда мы считали себя молодоженами, я – молодая, счастливая жена за мужем своим молодым и возлюбленным. Хотя, болтая с подругами, я сетовала, что Николай уже старый, поскольку он старше меня на пятнадцать лет. Наивная, пыталась показать, что не так уж сильно и безумно люблю его. А сама жить без него не могла, наглядеться, надышаться, послушаться.

Ах, мой Коля-Коля-Николай, сердце мое, душа моя, любовь моя и страсть бесконечная... Я теряла голову от одной его улыбки, растворялась в его глазах, внимала каждому взгляду и вздоху, целиком и полностью принадлежала ему и телом, и душой, трепетная, тающая и податливая, как воск горящей свечи, как глина в руках мастера.

Добряк, весельчак и умница, высокий, спортивный, жилистый красавец, всех любящий и понимающий мудрец, балагур и талантище, хозяйственный, смекалистый и деловой - вот какой муж мне достался! Он притягивал всех людей тем, что называется «природным магнетизмом», а его невероятный, аристократический «секс эпил» безотказно действовал на женщин всех мастей и возрастов.

«Нашел себе старый козел молоденькую козочку», - ворчала моя двоюродная бабушка - тетя Анюта, единственный человек, не попавший под чары его обаяния, а остальное мое окружение млело от него так же, как и я.

Да, я любила Николая так, как нельзя любить мужчину, особенно если этот мужчина - твой муж.

Любил ли он меня? Конечно. Во всяком случае, испытывал более чем просто влюбленность, ради меня он даже оставил свою предыдущую жену, из-за чего я поначалу маялась чувством вины и боялась, что произойдет нечто плохое, некое возмездие, но потом страхи развеялись, опасения забылись.

После свадьбы бизнес Николая вдруг уверенно вышел на международный рынок и стал приносить валютный, а, следовательно, независимый от рублевых превратностей и хворостей, приличный доход. А я, неожиданно для себя, уволилась со своей некогда желанной работы, сделав открытие, что само понятие «работа» – производное от слова «раб».

Так из полунищей, изнуренной трудом учительницы и неприкаянной любовницы я превратилась в уважаемую праздную особу и возжелала поселиться в рыцарском Выборге – идеальном месте для дамы сердца.

Муж, исполнявший все мои прихоти, купил замок – лучшую квартиру в элитном доме, новом, но стилизованном под старину и увенчанном флюгером в виде трубящего ангела, почти в самом центре каменного города, на Краснофлотской улице, бывшей улице Серых Братьев – монахов францисканцев.

Муж мой... Мой Николай... Кто же знал, что на беду мы с тобой повстречались и поженились? Но ведь могло же все обойтись, и мы до сих пор жили бы вместе, долго и счастливо. Ах, кабы не Динь-Дени, кабы не ты, кабы не я...

Сколько веков прошло, сколько эпох, сколько жизней? Неужели существовали какие-то первые, изначальные времена, когда крупа заварившейся впоследствии каши была всего-навсего невинными зернами в амбаре судьбы?

А сошлись мы с Николаем не на работе, не в гостях, не на выставке и не в театре, как поступают нормальные люди. Мы с ним познакомились в такси.

Истекала последняя неделя октября, приближалась беспросветная серость-сырость, и, пока убранство золотой осени не обратилось в гниль и прах, я бросила все и рванула в Приморск. Туда, где до того бывала лишь единожды, жарким летом, так же презрев все неотложные дела и на целый день уехав в приморское путешествие к протяженным пляжам Койвисто, к его чистейшим волнам, солоноватым, сине-зеленым – морским. Туда, где на исполинских прибрежных валунах белеют чайки. А на фоне дремучих, черных лесов, густо покрывающих весь архипелаг Березовых островов, скользят белые парусники. Бьёрке, Тиуринсаари, Пийсаари – Большой, Западный и Северный Березовые острова – отрешенно служат они бессменными дозорными Бьёркезунда, величественно наблюдая за движущимися в проходах между ними течениями балтийских вод, за годами, стекающимися в века, за кораблями и рыбацкими лодками, за шикарными яхтами и утлыми суденышками.

Погода в тот знаменательный день выдалась чудесная, солнечная - второе, предноябрьское, листопадное бабье лето явилось во всей своей нежданной, чарующей красе. Я шла, шурша роскошными лесными коврами: охра, золото, шафран, янтарь, гранаты и рубины – осень, не жалея, кидала драгоценности прямо под ноги своим почитателям.

Я гуляла по остывшим, затвердевшим береговым пескам, то и дело смахивала с лица серебряные паутинки странствующих паучков, слушала вкрадчивую, ласковую песню прибоя. И догулялась до того, что опоздала на шестичасовую электричку, ждать следующую не имело смысла, она отправлялась после девяти и следовала только до Выборга. Пришлось плестись на автобусную остановку, но оказалось, что по случаю воскресного дня автобусов в ближайшие три часа тоже не предвиделось.

С заходом солнца резко похолодало, думалось, что вот-вот пойдет снег. Уставшая, замерзшая, с гудящими ногами и первыми признаками простуженности, я едва не плакала – надо же было так безвыходно застрять на краю земли. А на утро мне предстояло вести открытый урок, он начинался ни свет ни заря – в половину девятого, и на него планировало явиться все руководство школы. Что же делать?! В отчаянии я замахала рукой проезжавшему такси, не особо задумываясь о том, что денег на него у меня не хватит.

В салоне уже сидел пассажир – мой будущий муж Николай, он не смог проехать мимо одинокой девичьей фигурки, погибающим мотыльком мечущейся в тусклом свете придорожного фонаря, сжалился и велел водителю притормозить.

Трехсотлетняя, отжившая, отравленная тоской и страхом перед неизбежностью немощи и смерти, с развивающимися на ветру, выбившимися из-под капюшона космами – я чувствовала себя отвергнутой богом и непринятой дьяволом каргой, а Николай увидел во мне юную фею. Он довез меня за свой счет до самой парадной, всю дорогу развлекал остротами и байками, обаял-очаровал и на прощание попросил номер телефона. Спустя два года состоялась наша свадьба. Ах, если бы я не потащила в тот день в Приморск, кабы не ехало то такси...

Николай постоянно пользовался услугами такси. Когда-то давно у него была своя машина, но однажды он попал на ней в крупное ДТП. Жуткое, трагическое стечение обстоятельств. Фура, не справившаяся с управлением, поволокла за собой мужнину легковушку. Николай зацепил другой автомобиль, в результате чего тот закрутился и рухнул в обрыв. В разбившейся машине находилась семья: родители и двое ребятишек, дети умерли сразу, отец – в больнице, а мать через несколько месяцев наложила на себя руки, спрыгнув с крыши двадцатиэтажного дома. Колю признали невиновным в аварии, но он до сих пор клянет себя и за руль больше не садится.

Что ж, нет машины и не надо, так я поняла, выйдя замуж – ведь есть такси и деньги есть. Они избавят вас от общественного транспорта, от муравьиных потоков людей, где чужое легкое прикосновение подобно грубому тычку. Зеленый огонек всегда с готовностью примчится на ваш зов, вызовет в любое время, подберет на всякой обочине, подмигнет и умчит, куда пожелаете.

Быстро привыкнув к тому, что раньше казалось мне запредельной роскошью, я научилась быть обеспеченной, любимой женой своего возлюбленного мужа, мне без труда далась премудрость жизни в удовольствие. Мы были счастливы! Честно. Я вспоминаю свою будущую жизнь, нашу с мужем совместную, будущую жизнь, до которой мы так и не дожили, закрываю глаза и вижу ее. Это больно и сладко, когда-нибудь напишу про нее грустную сказку для взрослых, легенду о несбывшейся семейной идиллии, о смерти такой, чтобы непременно в один день и от долгой, здоровой старости, и о том, что ничто не властно над настоящей любовью.

Вот мы – красивые старики, вечно влюбленные друг в друга, бредем по прогретому июльским солнцем Выборгу, над нами стремительно проносятся ласточки, мы заходим в тенистый, засаженный цветами двор, и часы на колокольне Старого кафедрального собора бьют шесть вечера, значит скоро к нам придет красавица-умница внучка. Она наша гордость, вся в дочку, защищает кандидатскую диссертацию, тоже станет профессором исторических наук.

Николай берет меня за руку и, щекоча своими по-прежнему пышными, но уже седыми усами, целует в ладонь. Его губы нежные, теплые, я чувствую, как они улыбаются.

Слыша его дыхание сердцем и кожей, я понимаю, что мы даже дышим в унисон – еще бы, столько лет вместе. Прохожие любят нас, мы пара достойная подражания, наша старость пахнет лавандой и булочками с ванилью, а не нафталином и лекарствами. И хотя руки моего возлюбленного мужа покрыты возрастными пятнами, но они все так же сильны, а глаза, окруженные морщинками, – молодые, с обожаемым мной, лукавым, искрящимся светом.

Неужели этого, так явственно увиденного мной, нет, не было и не будет? А может, оно есть и есть там, где ему и положено быть, но я случайно оказалась в иной, неправильной, тошной, словно в горячечном бреде выдуманной реальности, сгинула в искаженных времени и пространстве? Я не знаю, куда делось наше прекрасное будущее, но прошлое осталось в прошлом...

В прошлом, до Динь-Деней, мы с мужем жили очень уединенно, нам хватало компании друг дружки, а недостаток общения супруг компенсировал в бизнесе. Сменные приходящие женщины прибирались, гладили белье и стряпали, я занималась дизайном наших апартаментов и бездельничала. Гуляла по булыжным мостовым, по узеньким мощеным тротуарам, вдоль древних стен, погружаясь в историю, растворяясь в ней и забывая саму себя. Я пребывала в «Моем отдохновении» – в парке Монрепо, там самые эпические валуны, самые зеленые сосны, самая синяя вода залива и самое голубое небо, а капелла на острове Людвигштайн фантазмагорична, как облака того неба.

Я изучала Выборг – каждый его уголок, гуляла-гуляла-гуляла, могла выйти на рассвете, а вернуться к полуночи. Николай привык к моим исчезновениям и перестал им удивляться. Я возвращалась домой, откликаясь не на его банальные мобильные звонки, а на вековой призыв городской Часовой башни, слышимый отовсюду, даже сейчас, через все расстояния и времена.

И вот там-то, под часами, собирающимися пробить не то семь, не то восемь вечера, я и набрела на Дину с Денисом – Динь-Деней.

Ах, Дина-Динка! С сатанинским визгом и хохотом, она стремглав катилась на самокате по булыжникам улицы Водной Заставы – почти отвесному, сорокапятиградусному спуску Ваттенпортсгатан, чуть не сбив и до жути перепугав меня, поднимавшуюся к лавке на Крепостной улице.

Сумасшедшая, чертова вольница, потом она призналась, что хотела таким образом отомстить за мой неодобрительный, как ей показалось, взгляд на ее костюм.

Дина промчалась мимо, а Денис бежал за ней, мне навстречу, не замечая ничего и никого кроме нее. На его лице читалось тревожное волнение и такое обожание, что я испытала зависть к нахальной девице и досаду за себя и всех остальных женщин, которым не дано вызывать у мужчин столь сильные чувства.

Но, как известно, бог шельму метит, не вписавшись в поворот, самокат врезался в поребрик и развалился на части. Слетевшая с него Дина упала, в кровь разодрав ладони, локти и колени, что, как ни странно, привело ее в полный восторг и вызвало новый припадок веселья.

Проказница владела даром покорять любые сердца, и вот уже я, подобно Денису, простив не только эту, но и все грядущие выходки, спешила к ней, на ходу доставая из рюкзака перекись и пластырь.

Как не верить в судьбу? Угораздило же мужа именно в то утро уронить чашку с кофе и глубоко порезаться, схватившись за осколок. Выяснилось, что у нас в доме нет даже элементарного бинта, да, собственно говоря, вообще никаких медикаментов нет, помимо моих противозачаточных пилюль. Пришлось мне зайти в аптеку, а по дороге к дому натолкнуться на Динь-Деней. Да уж, подсурипила счастьяца разбитая чашечка, ничего не скажешь, и кто придумал такую примету?

– Хо! Перекись ни к чему, все глупости! Но спасибо, вы – святая! А вы всегда с собой целую аптечку таскаете? Не обижайтесь. Вы мне очень-очень понравились, не сразу, но зато от носика до кончика хвоста, и наоборот от хвостика до пяточек. Ай!!! Черт! Щиплет же! Ха-

ха-хо! Ой! Йо-йо! – заливалась Дина, отпихиваясь от меня и Дениса, скачущих вокруг нее, орошающих ее ранения антисептиком и вопрошающих, не сломала ли она себе что-нибудь.

- Спорим, тебя Светой зовут, и фамилия твоя на «Ве» начинается, - Дина перешла на «ты» и приступила к фокусам.

- Да, - изумленно ответила я, - а как вы..., ты догадалась?

- А оно видно. Тебе это имя и буква подходят. Глянешь на тебя, и все ясно.

- Не слушайте ее! Вы, когда рюкзак перетряхивали, банковскую карту выронили, вот она на ней и подсмотрела. Уж извините нас, - вмешался Денис. - Спасибо огромное!

- Но я же ее моментально поймала... Вам не за что извиняться, я рада помочь.

- У Динки взгляд как фотоаппарат, она у нас феномен, ее талант да в мирное русло, цены бы ему не было, - поведал Денис, стоя на коленях перед Диной и обклеивая ее пластырями.

- Вранье! Просто я глазами умею пользоваться: не тупо смотрю, а вижу. Ты же, Дэн, тоже все на экране подмечаешь, хотя там скучнейшие вещи. Подтверди, Свет, айтишники – извращенцы, как они посмели разложить Вселенную на нули и единицы?! – осуждающе выпалила Дина и тут же с гордостью добавила: - Мой муж программист, он Денис, а я Дина, и сегодня у нас годовщина свадьбы.

- О, поздравляю! Вы прекрасная пара, всех благ вам, здоровья, счастья, радостей и процветания.

- Вот, Дэн, подивись на порядочного человека! Вы единственная, кто детей не желает, - умничка! Другие так и норовят в чужую постель и жизнь влезть - тьфу, бесит, - пожаловалась Дина и, вскочив, ухватила меня за руку. - Айда к нам, у нас торт остался!

- Ой, нет-нет, спасибо, мне неловко и дел невпроворот.

- Брось, все ловко, а дела подождут. Давай-давай! Я тебе чудо-мазь подарю, самоличного изготовления, на Ивана Купала, в самой росе, на зорьке травки собирала. Послушай, она от всего на свете помогает, свежие раны вмиг лечит, застарелые шрамы и рубцы через несколько дней убирает. Забудешь про всяческие раздражения и не только на коже, сама раздражаться и злиться перестанешь – обретешь истинный душевный покой. Ведь запах у той мази, м-м-м, прям релакс и наслаждение. Не веришь?

- Верю, - убежденно закивала я, попав под гипноз ее болотных глаз.

- Айда к нам? - задорно прозвенела Дина.

- Да, айда! – согласилась я, смеясь в ответ.

Странно оно вышло, неожиданно с моей стороны. Я особь обособленная, замкнутая, в гости не хожу и к себе не зову, с посторонними не знакомлюсь и любому обществу предпочитаю свое собственное. Не знаю почему мне вдруг понадобилось заполучить снадобье из рук развеселой ведьмочки, да так, что иначе и жизнь не мила. Околдовала она меня. О, Динины чары, ни одно живое существо не могло устоять перед ними. Да что живое, стоило ей захотеть, перед ней и камень растаял бы и двинулся по ее следам хоть на край света. Бывает редкая порода людей, обладающих экстраординарными притягательностью и очарованием, их невозможно не любить, и Дина яркий тому пример.

Итак, мы отправились на другой берег Замкового пролива, из Старого города к Анненским укреплениям, Дина мчалась-летела впереди, я едва поспевала за ней, а замыкал наш строй Денис, нагруженный обломками самоката.

Когда мы миновали Башню Святого Олафа и, галопом пробежав по Крепостному мосту, оказались на запруженной туристами и экскурсионными группами набережной Апраксина, Дина внезапно остановилась и, пристально, задумчиво глядя на меня, проговорила:

- В то утро росы выпали особенно хрустальные, и заря выдалась без дымки, чистая, звонкая, пурпурно-золотая. Чувствую, что не случайна наша встреча, есть тайные тропы между мирами и событиями, на той тропе мы с тобой и сошлись. Отныне долго вместе будем идти, а куда, зачем, к добру али к худу – не ведаю. Тебя ко мне те травы привели, а меня к тебе те

росы приворожили, заветной мазь станет, нас навеки связав. Нигде ты подобной не купишь, многие за нее любые суммы заплатили бы, а я тебе так отдам.

- Давно пора раздать, а то ее уже хранить негде. И не пугай Свету своей мистикой, она к ней непривычная. Кстати, что же мы не миллионеры еще, с твоей панацеей? – опрометчиво ляпнул Денис и был немедленно наказан подзатыльником.

- Какой же ты меркантильный! Тьфу, стыдобища! Твоими дурацкими компами вся квартира забита, в проводах, как в паутине путаемся, одни нули, единицы и купюры на уме, а это грязь, мусор и отравы, - с отвращением передернулась Дина и, воздев руки к небу, прокричала: - Люди! Люди, внемлите мне! Вы вдумайтесь, как все мы невероятно богаты! У нас есть золото солнечных лучей, бриллианты росы, изумруды листья, топазы и сапфиры неба, снежные жемчуга, ягодные рубины и драгоценные цветочные лепестки. Зачем нам какие-то мерзкие деньги? Слышите, люди?! Придите ко мне, о маглы, я каждого из вас научу волшебю и ворожбе, повашему колдовству и гаданиям. Урок первый: чудеснейшее из чудес – обыкновенное, настоящее, созданное искуснейшей волшебницей – природой. Никакая другая магия, реальная или вымышленная, не сравнится с ней. Урок второй: все блага цивилизации нелепы и ничтожны в сравнении с природными дарами. Нигде мы не почувствуем себя столь свободными и счастливыми, как на воле от своих клетей, лабиринтов и заборов. Урок третий: любите природу и будьте любимы ею. И тогда в ваших жиянях все сделается складно и замечательно, как в светлой сказке, где добро непременно побеждает зло. Нет, я толкую не о внешнем зле, не о превратностях судьбы, не о трагических обстоятельствах и катаклизмах. Речь идет о вашем внутреннем мире – он и только он должен быть для вас важнее и интереснее всего. Лишь через него вы сумеете повлиять на несовершенства мира внешнего, помочь ему стать лучше и добрее.

Несколько человек убежали, трое принялись аплодировать, а остальные, улыбаясь, глазели на нее в ожидании продолжения.

- Спектакль окончен, расходитесь, товарищи, - велела им Дина и как ни в чем не бывало направилась дальше.

«Ох, бедовая, - подумалось мне, - не дай бог, пропадет, таких раньше на кострах жгли. Не кличь ты мир людской к себе, ни внутренний, ни внешний, коль сама не от мира сего. Хорошо, что у нее есть Денис - надежный, спокойный, рассудительный. Он у нее и за мужа, и за няньку».

Глава 2

ДИНЬ-ДЕНЕВСКИЙ ДОМ

Я совсем не удивилась тому, что мои новые приятели живут в окутанном всевозможными тайнами особняке у Фридрихсгамских ворот. Можете сходить полюбоваться на него, он стоит напротив здания для караула - Кордегардии Анненских укреплений. Кстати, очень жаль эту Кордегардию, она являлась единственной в России архитектурной постройкой подобного типа, но после очередного пожара в двухтысячных от нее остались лишь жутковатые арочные развалины с чудом сохранившейся трубой из красного кирпича, торчащей над ними.

Одна из легенд Динь-Деневской обители такая. В начале XIX века в этом самом доме часто гостили дочери Карла Шернвалья, губернатора Выборга и коменданта Сант-Аннен Крон: Аврора и Эмилия. Современники утверждали, что девицы Шернваль славились неземной красотой, величали их «финляндскими звездами» и пророчили им счастливейшее будущее. Однако судьбы наших выборгских красавиц сложились прискорбно.

Старшая Аврора встретила с «синеглазым демоном» князем Александром Мухановым, они полюбили друг друга с первого взгляда, но в день предполагаемой свадьбы он умер от крупозного воспаления легких. С трудом оправившись от горя, она вышла замуж за знаменитого промышленника Павла Демидова, но через четыре года овдовела – Павел скончался от сердечной недостаточности. А ее второй муж – Андрей Карамзин, сын всем известного Нико-

лая Карамзина, был зверски убит турками на Крымской войне за то, что не согласился отдать им золотой медальон с портретом супруги. Безутешная Аврора, за глаза прозванная «Авророй убивающей» и «Зарей, обрученной со Смертью», покинула Санкт-Петербург и вернулась в родную Финляндию. Она обосновалась в Хельсинки и всю оставшуюся жизнь истово занималась благотворительностью, чем снискала любовь и признание сограждан, две улицы финской столицы до сих пор носят ее имя.

Младшая Эмилия стала избранницей декабриста Владимира Мусина-Пушкина. Его родители категорически возражали против женитьбы сына на шведке, знать ее не желали и даже отказались присутствовать на их бракосочетании. Новобрачные поселились вдали от светского общества в своем имении в Борисоглебе и поначалу жили там скромно и уединенно. Но вскоре супруг повадился регулярно отлучаться в Москву и Санкт-Петербург, пристрастился к азартным играм, спускал крупные денежные суммы и погряз в долгах. Эмилия все прощала и, не ропща, терпела его выходки, посвятив себя заботе о крестьянах. Она открывала для них больницы и школы, способствовала развитию ремесел и рукоделия, предоставляла помещения для мастерских и обеспечивая сбыт готовых изделий. Простой люд боготворил ее и называл «Борисоглебским ангелом». Во время эпидемии тифа Эмилия заразилась, ухаживая за больными селянами, и умерла в расцвете лет, оставив сиротами четырех детей. Сейчас семейный склеп с ее прахом находится на дне Рыбинского водохранилища.

Дина верила, что в несчастьях Авроры и Эмилии виноват не кто иной, как дом № 4 на Петровской улице. Дескать, его стены сами покаялись ей и слезно просили избавить от страшного греха наведения порчи, совершенного из ревности к очаровательности сестер.

Денис смеялся над этим и крутил пальцем у виска, рассказывая, как Динка от нечего делать подписалась на местную монархическую газету, читала ее от корки до корки и вырезала статьи о выборгских селебрити минувших столетий. Публикация о злополучных красавицах пришлась на канун Нового года, празднуя, Дина перестаралась, и вот, когда ее тошнило в туалете, то ли стены, то ли канализационные трубы и поведали ей о проклятии. «А если и имелся сглаз, - выдвигал альтернативную версию Денис, - то его наложил не особняк, а обитавшая в нем кухня девушек – дурнушка Софья Шернваль».

Лично я ничего загадочного в трагедиях Авроры и Эмилии не вижу, жизнь такая штука - людям свойственно любить, страдать, грешить, болеть и умирать, медицина в XIX веке была отвратительной, даже для дворян, на войнах и ныне убивают, ангельским снохам нередко достаются свекрови-дьяволицы, и многие современные мужья тоже отличаются бестолковостью и порочностью, никакой мистики тут нет.

Дом как дом, старинный, двухэтажный, увитый плющом, окруженный выложенным булыжниками двором, клумбами, палисадниками и сохнувшим на веревках бельем. Крыльцо с четырьмя высокими, каменными, покосившимися ступенями, над ним – непонятно как держащийся и грозящий рухнуть деревянный балкон, заставленный велосипедами, кадками и ящиками с цветами. Нищета былого блеска, старость, приютившая юных Динь-Деней.

- Ну, заходи, свет ясный, Светик-Светлячок. Освяти наш окаянный вертеп своим присутствием, - Денис радушно распахнул передо мной дверь в темную квартиру, и я невольно вздрогнула, услышав прозвище, которым раньше меня никто, кроме Николая, не называл.

- Вообще-то мы годовщину свадьбы не отмечаем, - сказала Дина, щелкая выключателем торшера с массивным, едва пропускающим потусторонний свет, абажуром. - А знаешь, в чем причина? Во-первых, примета плохая, а во-вторых, мы и не женаты вовсе. Да ты меня хоть застрели, я свою свободу ни на что не променяю! И ты очень зря замуж вышла.

- Позвольте, но мой брак удачный и прошу его не хаять, - обиделась я, смущенно теребя обручальное кольцо.

- Время все расставит по своим местам. Пройдет год-два и помянешь мои слова. Такое уж мое предчувствие и мнение, - пожала плечами Дина и вдруг завопила: - Стоять! Не шевелись! А то на тебя прыгнет!

Я, перепугавшись того, что прыгнет, застыла на коврике, вглядываясь в полумрак прихожей.

Душераздирающе мякнув, с вешалки на пол обрушился исполинских размеров пушистый черный котище. А чего еще можно было ожидать, входя в жилище колдуньи?

- Гиппопотам, драгоценный ты наш! - Денис подхватил кота и чмокнул его в лоб.

- Почему Гиппопотам? - спросила я.

- Потому что не Бегемот, - объяснила Дина и поймала что-то белое, шмыгнувшее возле моих ног и с ревом наткнувшееся на закрываемую дверь.

Белое, шипя и извиваясь, вырвалось из ее рук и, будто по дереву, вскарабкалось на Дениса.

- Наша Хлорка, – гордо отрекомендовала Дина.

- Хлорка, в связи с тем, что белая?

- Угадала! Молодец, мы с тобой непременно подружмся, – Дина умилилась моей смекалке и велела: - Поцелуй ее немедленно!

Я послушно потянулась к усатой морде, а кошка сама ткнулась мокрым носом в мои губы. Кот посмотрел на это презрительно и фыркнул.

- Тебе не повезло, последнего котенка мы вчера пристроили, так что окотятить тебя не сможем, - Дина сочувственно погладила меня по спине.

«Слава богу!» - возрадовалась я, не имевшая намерения «окотиться», но, желая сделать ей приятное, восхитилась: - Должно быть, прехорошенькие котятки получились, черно-белые, родители у них просто дивная пара, блэк энд вайт.

- Нет, Гиппопотамчик в полгода постриг в монахи принял, а Хлорка у нас уже триста лет и никогда грешным делом не интересовалась. Не снимай туфли, у нас грязизищи, как в хлеву. А впрочем, тебе виднее, - Денис пересадил питомцев с себя обратно на вешалку и предложил мне двух истерзанных плюшевых свиней, оказавшихся тапками.

- А откуда же тогда котятка, раз они у вас монашествующие и безгрешные? – уточнила я, опасливо пригнувшись к исходящему от плюша кошачьему духу.

- Дэн, сколько тебе говорить, не давай гостям соседские тапки. У нас коммуналка, - пояснила Дина, доставая из тумбочки новенькие шелковые шлепки, расшитые драконами, и выдавая их мне. – Нет, котятка не наши, мы бездомных животных из приюта на передержку берем, приучаем их ко всему для передачи приемным хозяевам.

Я представила тапочки будущих счастливых владельцев и усмехнулась.

- У нас гениальные звери, специально соседкины шмотки метят, чтобы вытравить ее и вынудить комнату нам продать, причем наши вещи не трогают, каково, а? – похвасталась Дина.

- Ох, Динка, скажи спасибо, что соседка – интеллигентная, добрейшая бабулька, а то сама вытравила бы твоих гениальных зверей, - покачал головой Денис. - Пойду чайник поставлю и торт принесу.

- Самый действенный антидепрессант, полезнейший витамин и необходимейшая человеку пища – это пирожное, а еще лучше – набор пирожных, а еще-еще лучше – огромный торт, - назидательно заявила Дина и, блаженно улыбаясь, облизнулась. - Но сначала мазь! На мои раны и в подарок моей сегодняшней любимой подруге.

- Аааа! Мамочки! Матерь котья! Чтоб тебя! Маковку! Твою же ж! Черт! – раздались из кухни крики Дениса. - Да ежж! Что ж теперь делать-то?! Дин, а Дин, подь сюды!

Мы кинулись на помощь и увидели такую картину: один из холодильников был открыт нараспашку и варварски разгромлен. Из его нутра кишками свисали измусоленные, обгрызенные сосиски. Вокруг опрокинутой на пол кастрюли распростерлось озеро борщовой жижи, в

нем плавали распотрошенные свертки и разбитые яйца. На стенах и шкафчиках красовались свекольные потеки и ошметки гуши.

- Ах ты ж! Ой-йо-йо... Паскуды хвостатые! Какие же вы твари! Без ножа зарезали... Ладно бы наш, а то соседкин. Не представляю... Нет, я представляю, что она скажет, - неприлично притихнув, пролепетала Дина.

- Этакое даже представлять неприлично, - подтвердил Денис.

- Она же у вас интеллигентная, - напомнила я.

- Не до такой же степени! Тут и святой осатанеет! – ответили мне.

Эх, Динь-Дени, дети... Они были еще совсем детьми, и я рядом с ними, сбросив десяток лет, становилась их ровесницей.

Остаток вечера мы провели за уборкой, заговорщически переглядываясь и заходясь в приступках смеха, словно нашкодившие школьники. Торт мне не достался, им решили умиловать соседку, которая, к слову сказать, вскоре продала Динь-Деням свою комнату. Денис оборудовал там серверную и цитадель айтишника, и ни один зверь, кроме компьютерных мышей, более не допускался в его царство проводов, системных блоков и мониторов.

Колдовскую мазь я все-таки получила. Правда, перед тем как вручить мне вожделенную баночку, Дина щедро зачерпнула из нее на свои ободранные колени. Позднее мне удалось выведать у нее секрет приготовления фирменного снадобья. Она кипятила масло гхи, называемое в Индии «жидким золотом», с нашими широко используемыми целебными травами и разливала в простерилизованные емкости, предварительно положив на их дно кусочек серебра. Что же, превосходный, проверенный веками аюрведический рецепт.

А ведовство и знахарство оказались присущими Дине ничуть не в большей мере, чем всякой другой, обыкновенной, среднестатистической женщине, и через несколько месяцев она без сожаления забросила травничество и прочую народную медицину, чем несказанно обрадовала Дениса.

Дина и Денис – натуры творческие, незаурядные, необычайно одаренные. Поражаюсь их способности поглощать информацию, запоминать ее с лету, всегда быть открытыми для новаторства и свершений. Но в то время они часто раздражали меня незрелостью характеров, поверхностностью и легкомыслием, знания обоих выглядели несуразной мешаниной, энциклопедическим винегретом. Их интерес к очередным хобби и друзьям улетучивался, едва успев возникнуть. К счастью или к несчастью, я составила исключение, ко мне они прониклись всерьез и навсегда.

Провожая, Дина взяла с меня клятву не пропадать и встретиться с ними в ближайшие дни. А Денис доверительно попросил:

- Будь человеком, а не сволочью, если останешься с нами, не заводь собак.

- А может я как раз-таки планирую «особачиться», - возмутилась я.

- Что ты, Дэн, Светлячок точно не сволочь, она хорошая, умная и добрая, - польстила мне Динка и внесла ясность: - Тебе ведь теперь придется с нами кочевать, на сутки из дому исчезать. Только сволочь надолго оставляет собаку одну, кошки – иное дело.

- Ребята, вы не подумайте, я люблю животных, но не в собственном доме. Жизни домашних питомцев скоротечны, а я так устроена, что привязываюсь к ним, как к людям, и очень тяжело переживаю утрату. Никем обзаводиться не собираюсь, ни за что, - исповедалась я. - Остаюсь верной своей единственной, обожаемой девочке, моей любимой Кэтти. Она заболела раком... Врагу не пожелаешь... Я боролась за нее и оплакиваю до сих пор. Нет уж, впредь никого не заведу.

- Правильно, ты же однолюб, оно очевидно. Да, нелегко тебе приходится, - печально закивала Дина.

- Я тебя отлично понимаю. Все Динка. Сам я нипочем не решился бы вновь и вновь переносить боль, которую испытываешь, видя, как они мучаются и умирают. Вспоминаю ушедших любимцев и не могу поверить, что их нет с нами, - согласился Денис, сделавшись взрослым и глубокомысленным. - Помнишь, как в «Обыкновенном чуде»: «Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. Но пока - ты со мной. Слава храбрецам, осмеливающимся любить, зная, что всему этому придет конец».

- Ох, Дэн, не трави душу! Ты трусишка и дурашка, смысл сказки Шварца не в обреченности, а в том, что «слава безумцам, живущим так, будто они бессмертны, - смерть иной раз отступает от них», - возразила Дина и, опять повеселев, пообещала: - Тебе, Светик, меня с Дэнном вместо целого зоопарка за глаза и за уши хватит. Никуда не денешься, перестанешь гулять сама по себе, отныне тебе суждено терпеть меня до скончания жизни. И имеющейся, и последующих.

- Пока нирвана не разлучит нас. Аминь. Верно Динка говорит, вот те крест, - заверил Денис.

- А разве нирвана разлучает? – засомневалась я, припоминая свои скудные познания о реинкаркации.

- Нирвана – угасание. Там все на свете делается до лампочки, - ухмыльнулась Дина, - до перегоревшей.

Отчего-то я восприняла пророческую фразу Дины про навечно связавшие нас узы как данность, несколько не удивляясь ей и не думая оспаривать. Это я-то, замкнутый, нелюдимый книжный червь, любому обществу предпочитающий одиночество или компанию мужа. Я, тихая, стеснительная домохозяйка, вдруг, не задумываясь, примкнула к Динь-Деневскому табору, обратилась в их веру - шальную, вольную, не ведающую ни стыда, ни греха.

Мое сердце распахнулось, и они ворвались в него бесшабашно, безудержно, не признавая границ и законов, заполонили наше с Николаем выверенное бытие, как васильки заполняют поле ржи, сливаясь с ней, преображая ее своей яркостью, оборачиваясь ее гармоничной, неотъемлемой частью.

Они перевернули наш обыденный мир, безмятежный и аккуратно прибранный, с разложенными по полочкам привычками, понятиями и помыслами. Так свежий ветер устремляется в уютное тепло комнаты, так лучи солнца сжигают покой предрассветного неба, так внешние воды размывают идеальные кристаллы льда и снега – подобное разрушение радостно, ему не противятся, почитая за созидание.

Глава 3

УЕЗДНОЙ БАРЫШНИ ТЕТРАДЬ

Эх, Динка, Дина, Динь-Динь-Диночка моя. Как же я ее любила, люблю и буду любить - вечно, из жизни в жизнь, так безмерно, что даже во вселенских покое и равности эта симпатия не способна иссякнуть. Моя слепая привязанность не имеет шанса прозреть, не знаю с чем сравнить ее, разве что с рабским всепрощенчеством матери, души не чающей в избалованном чаде, или с гравитацией, удерживающую планету у конкретной звезды.

Она покоряла любые сердца, становясь объектом притяжения и поклонения не только для меня и Дениса, но и для всех прочих из своего окружения. Не избежал всеобщей участи и мой муж, а мне и в голову не приходило ревновать. Все стремились к ней - так тянутся к солнцу и теплу, так жаждут лета и развлечений.

Да, потрясающий человек наша Дина, не встречала никого обворожительней, оптимистичней и лучезарней ее. Она умела радоваться всему, вплоть до сквернейшей из тридцати трех напастей, регулярно липнувших к ней, как репей к барбоске. Бесстрашный, озорной коте-

Значит, смотрите: если мы совершаем зло, то доброго в наших сердцах ничуть не убавляется, та сфера души неподвластна ничему и никому, не зависит от частных обстоятельств. За самыми мрачными тучами продолжает светить солнце, оно и не замечает их вовсе. И луна в любое время полноценна, нам только кажется, что она бывает ущербной.

Так вот, добро постоянно и неизменно. Я это поняла, когда стала выздоравливать и поползла в Монрепо. Оказывается, покуда я «умирала», стояли ясные, погожие дни, над цветами порхали бабочки и жужжали пчелы, а во всех ивняках пели соловьи – мир прекрасен, даже при условии, что тебе оч-оч плохо. Свет есть всегда, невзирая ни на какую тьму».

Нарисован шурящийся на солнышко червячок с перебинтованной головой и градусником подмышкой.

«Мечтай и гуляй по стране облаков,
Идя по земле среди цветущих лугов.
Небом любуйся, смотри в бесконечность,
Прости ему жизни земной быстротечность».

Нарисованы идущие друг за другом: девочка с ромашкой, невеста со свадебным букетом и старуха с траурным венком.

«- Чибис коронован хохолком и спрашивает: "Чьи? Чьи? Чьи-и? Чьи вы?!"
- Нет, он плакает: "Увы. Уви. Увы. Уивы. Уивы!"»

Нарисован голенастый, задумчиво вышагивающий чибис с взъерошенным хохолком.

«Почаще отпускайте свое сознание гулять по дорогам солнца и по тропам луны».

Нарисован человечек с воздушным шариком, идущий по дорожке света на волнах.

«Большинство людей неправильно наблюдают за Луной: они вглядываются в темные пятна, а надо обращать внимание на светлые. Если всмотреться в просветы на ее диске, то внизу, по центру, а иногда правее, проявляется образ сидящего Будды. А когда задержишь взор надолго, то вплотную к центральной сфере возникнет Будда, гуляющий по цветущему саду. Уметь видеть – значит разглядеть Будду в лунном цветнике».

Нарисована луна с сидящим в ней сияющим, безмятежным Буддой.

«Изумляйся, смеясь: толстопузые шмели
В жару полосатые шубы надели».

Нарисован толстый, пушистый шмель.

На другой странице:

«Шмели - это слоны среди ос и пчел. Они большие, спокойные и дружелюбные. Вернее, мамонты - у них же шубы».

Снова шмель.

«А вы знаете, что в одной снежинке собраны мириады миров? И все они во время снегопада кружатся вокруг нас, летят нам в лицо, тают на наших ладонях».

Нарисованы планеты Солнечной системы в виде снежинок.

«Сегодня гуляла по полю и свалилась в канаву, потому что не смотрела куда пры. Зато узнала, что облака нежатся под солнцем, прямо как я на пляже, их тень больше моей, а тени ласточек – махонькие и быстрее ветра».

Нарисованы облако, человечек и ласточка, все одинакового размера.

«Красота не только спасет мир, она - его основная суть, то, на чем зиждется Вселенная. Любые существа и предметы состоят из пяти элементов: эфира, воды, земли, огня и воздуха. И в живом, и в неживом присутствует испепеляющий жар Солнца и благодатный солнечный свет, капли дождя и роса, белоснежные облака и нетающие горные льды, песчаные бури и морские бризы. Во всем есть утренний ветерок и щебет птиц, ночное звездное небо, рассветы и закаты, тлен земли и минералы из ее недр. Более того, далекая космическая пыль – наша неотъемлемая составляющая! Абсолютно все, и даже человек, - часть Вселенной, а Вселенная - часть нас. А потому, считая кого-либо врагом, мы враждуем сами с собой».

Нарисованы растущие из одной клумбы улыбочивые цветы и человечки с лепестками вместо волос.

«Светик говорит, будто я варю такой кофе, что она прямо-таки мурлычет, когда угощается им. Господи, как же я рада! Оч-оч рада! И оч-оч-оч люблю ее».

Нарисована я в виде кошкообразного сфинкса, рядом со мной поставлено блюдо. Указующая на нас стрелочка подписана «Черный кофе и Светлый котфей».

«Светик, я тебя люблю! Пусть триста шестьдесят пять дней в году для тебя звенят весенние ручьи и благоухает цветущий май; светит июльское солнце и кружат голову августовские звезды; пусть осень стелет тебе под ноги золотые ковры и напевает баллады дождей; пусть никогда не покидает тебя восторженно-детское волшебство зимней сказки, сверкают снежные бриллианты, а запах хвои и мандаринов обещает чудо. Будь всегда счастлива, мой драгоценный друг!»

Нарисовано сердце с распахнутыми дверцами и заходящими в них листочками отрывного календаря.

«Я не могу жить без пышек и грущу, если не ем их хотя бы раз в неделю. Пусть все в жизни будет таким же теплым, приятным и уютным, как свежая питерская пышечка с сахарной пудрой и корицей. Пышки оч-оч-оч полезны для души и тела, от них мы становимся быстрее, выше, сильнее, умнее и, главное, добрее».

Нарисована тарелка с пятью очень аппетитными пышками, выложенными в виде олимпийских колец.

На следующий день:

«О, ну как же! Как же я могла забыть о Viipurinrinkeli! Как я посмела поставить питерские пышки превыше Выборгских кренделей? Сэсечь меня на костре посреди площади Красного колодца! Обездолен мир вне Выборга, раз там нет наших кренделей, и несчастны люди, которые не имеют возможности кушать их, когда пожелают. Ох, что же получается? Ведь я не вынесу переезда в другие города. Вот и Светиль-Ники специально сюда перебрались, чтобы ежедневно питаться виипуиринринкели!»

Схематично изображена карта Рыночной площади с Круглой башиной, прозванной «Толстой Катериной», и Выборгским рынком. Все это в обрамлении рамки из кренделей.

Далее:

«Я протестую! Мне втюхали соленые крендели, в которые зачем-то была вбухана корица – гадость и святотатство! Корицу добавляют в сладкие, и то необязательно. Ну все же так просто, хоть сама бери и пеки: куркума или шафран, кардамон, тмин, майоран, белый перец, мускатный орех и гвоздика. А корицу и мяту – исключительно в сладкие! Запомните! Правильные виипуиринринкели, без новаторских извращений, теперь только в трех местах про-

дают: в Усадьбе бюргера, Музее кренделя и в Лавке вкусуностей. И Светик это подтверждает, она не даст соврать».

Нарисован крендель, под ним написано: «Форма кренделя – лучший символ бесконечности».

«Мне хотелось бы оставаться хорошей при любых обстоятельствах, быть оазисом покоя, мира и добра, сохранять свое тепло и солнечность, не допускать холодов и хмури. Но климат моей души таков, что не может без осени и зимы, без дождей и метелей».

Нарисован сердитый снеговик, стоящий с зонтиком под дождем.

«Страх – это глупейшее, противоестественное состояние для человека. Ведь на самом деле наш ум по природе своей свободен от тревог, он – неизменное спокойствие, сияние, интеллект, любовь и сила. Зачастую мы сами себя пугаем, подобно Крошке Еноту, боящемуся Того, кто сидит в пруду».

Нарисован Крошка Енот, опасно высывающийся из осоки и строящий страшные рожи своему отражению в воде.

«Как причудливо меняются узоры при каждом повороте калейдоскопа, даже не верится, что их составляют одни и те же разноцветные стеклышки. Так и все люди содержат в себе идентичные свойства и качества, из которых при мимолетном движении стрелки на часах судьбы складываются картинки неповторимой индивидуальности. Все мы такие разные, и все мы такие одинаковые».

Нарисованы орнаменты в виде циферблата и калейдоскопического узора, выложенные из разноцветных человечков.

«Тех, чьи сердца стучат в унисон, кто познал истинное родство духа – то, что называется "жить душой в душу", не могут разлучить ни смерть, ни мириады миров, никакие неисчислимы калпы. Главное верить, не забывать об этом и любить, ни о чем не сожалеть и не скорбеть».

Нарисована улыбчивая плачущая розица.

«Желаю всем как можно чаще, прямо здесь, в нынешней жизни, обретать Царство. Царство Божие, царство истины, рай, нирвану – неважно как это называть. Обретать и никогда не терять, памятуя о его вечности. Находить оное в природе, созерцании, объятиях любимого человека, глазах ребенка, шерстке четвероногого друга. Оглянитесь, почувствуйте, осознайте реальность того, о чем я говорю».

Нарисованы кот и человечек, в обнимку любующиеся восходом солнца.

«Счастье приманить очень легко: поставьте для него в своем сердце блюдце с медовым молоком. И будьте счастливы!»

Нарисовано пушистое существо, по всей видимости, счастье, лакающее молоко из миски, сделанной в форме сердца.

«Дарю всем "вербных хомячков", шерстка у них изумительная – гладьте, но умоляю, не рвите!»

Нарисованы пушистые почки на вербе. Забавно, мой папа называл их «пушистиками», а тетя Анюта «котиками».

«Хочу нескончаемой весны на душе, с ее легкостью, свежестью, незапыленностью и непреложной верой в лето! О, да – хочу-хочу лета, оч-оч! Согласна терпеть осень. Но я нена-

вижу зиму - она неизбежное зло, которому нет оправдания, ее адвокаты, нахваливающие снег и морозы, либо безбожно лгут, либо мазохисты».

Нарисован несчастный человечек с сосулькой на носу. Над ним летит стая выстроившихся клином людей, надпись гласит, что они оставили свои гнезда и отправились на зимовку в теплые страны.

«Да, человек - далеко не лучшее существо. Но в нем есть всё: боги и бесы, земля и небо, черный волк Зла и белый волк Добра. Нужно хорошенько откармливать белого пушистика в себе и в других».

Изображена извечная битва черного и белого волков.

«Пусть сбываются все наши благие желания, мира в себе, вокруг и в мире, успешного свершения наилучших деяний. Каждому из нас под силу сделать Вселенную уютнее, достаточно просто озарить ее своей доброй улыбкой».

Нарисованы улыбающиеся, кружащиеся в хороводе звезды, солнце и луна.

*«Я всем желаю горестей не знать,
Любить весь мир, дерзать, мечтать
И с легкостью вершины покорять.
Цвести, не увядая, процветать,
Улыбкой землю озарять и украшать.
В успехе жить и с радостью творить,
Летать, от счастья в небесах парить.
И каждый день судьбу благодарить!»
Подпись: «Нет, это не Пушкин, а всего лишь Я».*

«Помните, как у Александра Грина: "Счастье сидело в ней пушистым котенком". Желаю всем почаще испытывать подобное состояние мурлычащего счастья на сердце».

Нарисовано сердце в виде свернувшегося в клубок котенка.

«Пусть бытие станет подобно светлой сказке, в которой добро всегда побеждает зло. Пусть мы сможем творить настоящие чудеса, и волшебство любви, доброты и радости никогда не покидает нас. Да будут ласковыми и попутными ветра перемен, и душа движется, порхая и танцуя!».

Нарисована фея с бабочкиными крыльями и волшебной палочкой.

«Желаю всем сладкой жизни, зефирно-нежной судьбы и пищи, полезной для ума».
Нарисованы сладости и книги.

«Пусть блюда, которыми потчует нас судьба, всегда будут восхитительно приятными, свежими, легкими, радостными и полезными. И не оставляют ни горечи, ни оскомины, ни тяжести, ни сожалений. Сладкой жизни и завидной доли!»

Изображен счастливый человечек в поварском колпаке и с поварешкой в руках.

*«Желаю моря радости безбрежной,
Дружбы самой преданной и нежной,
Чтоб вы не знали никаких страданий,
И исполненья самых радужных мечтаний!»
Подпись: «Нет, это не Шекспир, а всего лишь Я».*

«Сент-Экзюпери хотел написать: "Историю замка, семи стен и архангела... О прекрасном архангеле, который не мог опуститься на землю, потому что не умел складывать крылья..." Война не дала ему осуществить намеченное, он погиб. Мыслима ли такая потеря? Может ли человечество простить это себе?»

Нарисован подбитый, падающий в море самолет.

«Шантидева сказал:

"Пусть горы давящего ада превратятся

В небесные храмы.

Пусть дожди пылающих углей, лавы и оружия

Станут цветочными ливнями.

И пусть сражения превратятся

В веселый обмен цветами.

Пусть прозреет незрячий,

Пусть глухой обретет слух».

Нарисованы солдатики, обнимающиеся и дарящие друг другу цветы.

«Сегодня ночью три раза видела падающие звезды и лишь на одну успела загадать желание. Так мгновенно пролетают! "Чирк" – и всё! А я: "Ах!" - и всё».

Нарисован человек, зажавший голову и воздевший руки к звездному небу.

Скажите, возможно ли не плениться таким человеком, как Дина? Наверное, в детстве она была презабавной лапушкой-резвухой, раз, достигнув двадцати лет от роду, сохранила ребячество неотъемлемой чертой своего характера, не сомневаясь в обязательном торжестве добра и свято веруя в чудо.

Я же всегда полагала, что если наш мир и сказка, то отнюдь не добрая. Оказалось, что Динь-Дени, эти очаровательнейшие создания, оба сироты. Они ничего не знали о своих родителях и прозябали в детских домах, лишённые свободы, собственного угла и личного пространства – детки в клетке, ни в чем неповинные узники социальных учреждений, приговоренные на то родной матерью. В десятилетнем возрасте Дину перевели в приют, где обитал Денис, они моментально подружились, а став постарше, полюбили друг друга.

- Я и Дина - проявление одного целого, оно так запрограммировано, что возникает, когда совпадают условия. Вам любой айтишник подтвердит, каждый школьник, владеющий языком Паскаля: абсолютно во всем присутствуют алгоритмы. В судьбы людей заложены дискретность и детерминированность, описанные в причинно-следственной цепочке двенадцати звеньев взаимозависимого происхождения, мы подчинены четкой схеме: рождение-становление-старение-смерть. Наши с Диной пути с их «если-тогда-иначе» - «if-then-else», совместились неслучайно. Мы исключительно родственны меж собой, словно единые дух, плоть и кровь на двоих, - поведал Денис.

- Ого, Дэн! Ты произнес «дух, кровь, плоть» вместо «мёрджить, пушить, комит»? – рассмеялась Дина. - Добавь романтики, не жалея, погуще! И я зауважаю твоего Паскаля.

- Хорошо, я попробую. С чего начать? Крошечное, несчастное зернышко моего детдомовского существования согрели лучи встречи с самой лучшей девочкой во всей Вселенной. Она родилась звездой в созвездии Персея и прилетела на Землю в шлейфе кометы Свифта-Таттла. Гм, как бы покрасивше сформулировать... Зернышко дало росток дружбы. А он, в свою очередь, расцвел любовью, - Денис смущался и сбивался, но говорил весьма прочувственно.

- А плодом, как и положено, будут спиногрызы, - похлопав его по плечу, несколько фамильярно изрек Николай, чем вызвал мое неудовольствие и Динино замешательство.

- Ну да, когда возникнут условия для одного проявления, - уклончиво усмехнулась она. – Мы и так с Дэном: ты да я, да мы с тобой. И муж, и жена, и брат, и сестра, и отец, и мать, и сын, и дочь.

Меня отчего-то очень испугала ранимость, заключающаяся в ее словах, веяло от них некой обреченностью, одиночеством. С тех пор я полюбила Динь-Деней еще нежнее, и, памятуя об их непростой доле, прощала им все грехи и огрехи.

То ли в силу отсутствия родительского воспитания, то ли по сути своей, они отличались неумной жадой праздника, умели наслаждаться вольной волюшкой, погодой и природой на полную катушку, находить яркие, радостные впечатления и в погожих, и в ненастных днях. Жизнь до знакомства с ними стала казаться мне пресной, обделенной весельем и интересностью. Им удалось затмить даже общепризнанного любимчика-балагура Николая.

Я все больше времени проводила в компании наших молодых друзей, заряжаясь их энергией и легкостью, становясь все непосредственнее и беззаботнее, а к разгару лета мы сделали и вовсе не разлей вода.

Глава 4

НАШЕ ЛЕТО

Увы и ах, вернуться бы в то лето! В те дни и события и, если не изменить, то по крайней мере запомнить их до каждой мелочи, неценимой тогда и ставшей бесценной теперь. Заново испытать и сполна прочувствовать все минувшие мгновения, настолько родные, счастливо-естественные, но ныне недостижимые.

Стрелки часов исправно движутся дальше, безучастные к искаленным судьбам, проходят месяцы, сезоны, года, а я потерялась в безвременье, тщетно пытаюсь найти опору, зацепиться за что-нибудь в своем свободном падении.

Кто же знал, что через пару лет я превращусь в осколок сдетонировавшего от людских страстей мира, что нашу с Динь-Денями вселенную, казавшуюся единым, незыблемым целым, сотрясет нечто, подобное космологическому Большому взрыву, и мы разлетимся, удаляясь друг от друга на бесконечно растущее расстояние.

Возвратись ко мне, тихая, спокойная радость бытия, молю тебя! Как жить? Вроде вот же оно: я та, я там. Но нет - обман. Словно во сне, ту и нынешнюю меня разделяет прозрачная, неосязаемая, но прочнейшая стена, я все вижу и слышу, но не в состоянии ни докричаться, ни достучаться - мне отведена роль беспомощного наблюдателя. Я контужена нахлынувшими бедами и болезнями, они едва не лишили меня рассудка и изрядно потрепали мою память.

Как же я жалею, что не вела записи о всех наших встречах, хотя бы краткие заметки: дата, происходившее, слова, звуки и шорохи, солнечный и лунный свет, облачные картины и замки, лакомый вкус лесных ягод, аромат цветов, прикосновение студеных потоков ручья к разгоряченным ступням – перемены унесли все, разметали в пух и прах.

Жаль, что в то лето я забросила дневник, страницы хроник и исповедей необходимы, им и только им позволительно считаться правдивыми, полноценными свидетелями нашего прошлого. А сейчас приходится повествовать о том, что мне видится сквозь призму обид и разлук, а значит лгать.

В ту пору я не понимала, что оказалась в чуде, незаслуженном, случайном, не предназначенном для долгого пользования. Мой срок пребывания в волшебной стране иссяк, я прозевала продление визы и плюхнулась с небес не просто на землю, а в самую глубокую и грязную лужу на обочине жизни, хрустальные туфельки разбились вдребезги. Да, еще и тыквой сверху припечатало - по глупой, самонадеянной голове! Мойры объявили: «Ваше время истекло!» А принц даже не собирался искать меня.

Возможно ли в январе силой воображения явственно перенестись в июль? Кажется, что да, но это нереально. Не воскресить подлинную красу лета, находясь в омертвелом царстве зимы. О господи, зима, и зачем я подумала о ней, неужто недостаточно больно замерзшей душе моей? Терпеть не могу снег и лед, морозы и метели, жемчужно-алмазные оковы, колкое кружево и бледный месяц во мгле чернильного, вязкого неба, с тонущими в нем редкими, равнодушно-холодными, вовсе не августовскими звездами.

Летом весь мир, такой лучезарный и ласковый, принадлежит тебе, а зимой будто несовместимый с живым, губительный космос обрушивается на Землю. Зима хороша лишь тем, что неопровержимо доказывает: лето - великое счастье, и каждый его миг нужно использовать по максимуму.

А было ли лето? А лето ли было?

Все завязалось весной... Теперь я отчетливо вспомнила, что на нас выпало два черемуховых снега. Первый – настоящий, возвещающий, что в северных акваториях начался ледоход, сулящий нам «черемуховые холода». Без вины виноватое дерево, угораздило же его благоухать в период таяния далеких, чуждых ему льдов. А потом свершился второй черемуховый снег – атласный, нежный, приветливый. Слетали белые лепестки, порхали снежинками, кружились, выюжились. А Дина напевала: «Отцвела черемуха, зацвела сирень, у тебя душа поет, у меня мигрень...»

Да, я познакомилась с Динь-Денями в апреле-мае, поскольку тополиный снег запорошил город позже, когда мы совсем задружились, и в небо, с восторженной молитвой окончательному триумфу весны, тянулись свечи каштанов. Дальше - лето! К открытию пляжного сезона не только я, но и мой муж жизни своей не представлял без этой развеселой парочки.

В третьей декаде июня прибрежный песок раскалился от жары, речные, озерные и морские воды обратились в парное молоко, и даже в лесу стало не сыскать прохлады, а городской воздух наполнился ароматом липы. Вы знаете, что счастье пахнет липовым цветом?

Ах, какое выдалось лето! Пожалуй, самое радостное, яркое и беззаботное, лучшее из всех лет в моей судьбе.

Заглядываю за кулисы век и вижу просторы, насыщенные светом и теплом, немыслимую синь небесного купола, наши молодые, зацелованные солнцем, разомлевшие тела - загорелые, цвета янтарного чая, чувствую запах моря и сосен, слышу несмолкаемый шум волн и ветра – дыхание Финского залива, стон чаек и звенящий, заразительный Динин смех.

Муж затеял новый бизнес-проект и редко выбирался с нами надолго. А мы гуляли сутки напролет, нам хватало собственного драйва, абсолютно без алкоголя, черти б его драли, он появился треклятой осенью, вместе с холодами.

Дина с легкостью вьет веревки из кого пожелает, никто не способен устоять перед ее обаянием. Стоило ей посетовать, что, мол, негоже девочкам, то есть мне и ей, шлаться одним, и мой супруг выкупил Дениса у его вечно занятой айтишной неразберихи, не задумываясь и не скупясь. Он взял его к себе на удаленку, но ничем не утруждал, разве что эпизодически, для проформы, назначив месячный оклад превышающий прежний среднеквартальный заработок.

Николай и Дину хотел так же пристроить, но она с возмущением отказалась, заявив: «Ни за что не соглашусь работать или числиться на какой-либо работе, я – свободный человек! Недаром «работа» и «раб» однокоренные слова, для меня они синонимы».

Я поразила Дининой формулировке, ведь сама изобрела аналогичную вскоре после замужества, но опасалась применять ее публично, прятала в мыслях, не облекая в речь.

Коля пришел в еще больше восхищение от Динки, в очередной раз оправдавшей свое звание «чертовой вольницы», и присовокупил к Денискину доходу все возможные и невозможные коэффициенты, доплаты и премии.

Так неожиданно получилось, что мой несклонный к щедрости супруг стал содержать нас троих. Ах да, вдобавок и Динь-Деневских кошек, как я посмела забыть про незабываемых черно-белых бестий.

Я была весьма признательна Николаю и всячески старалась выразить свою благодарность. Как-то по завершении виртуозно исполненного мной супружеского долга, он, блаженно растянувшись на смятых простынях, мечтательно разоткровенничался:

- К твоему сведению, Жenuля-Светуля-Красотуля, ты оказалась лучше, чем я надеялся, женясь на тебе. Прекрасный маленький Светлячок, осветивший мой тернистый путь любовью и уютом. И всех очаровывает твое сияние, с помощью него, мы и Динь-Деней в друзья умыкнули.

- Я рада, что ты им рад, - улыбнулась я, целуя его в плечо, на котором покоилась моя голова.

- Более чем! Общаясь с нашими юнцами, я сам помолодел лет на двадцать. В отцы им гожусь, а по факту будто ровесник. Молодость – состояние души, здоровье тела проистекает из бодрости духа. Эх, славно-то как! Я живу полной жизнью, люблю и наслаждаюсь самой чудесной женщиной в мире, - он вновь заключил меня в страстные объятия.

Уснули мы только под утро, а разбудил меня свет солнечного дня и удивленное бормотанье Николая:

- Как же так?.. Ума не приложу... Неужели?.. Невероятно...

Он разговаривал во сне, хмурясь как-то по-детски, подобно раздосадованному ребенку, лишенному сладкого или поставленному в угол.

- Что тебе приснилось, какая невероятность тебя обескуражила? – спросила я, когда он открыл глаза.

- Я болтал во сне?

- Да, ты казался озадаченным.

- Озадаченным? Нет, наоборот, сегодняшнее сновидение хорошее, прямо-таки отличное, исключительно красочное и интересное. Сперва я куда-то провалился и долго падал, пока не разбился насмерть...

- Что же хорошего? Жуть!

- Нет-нет, все обернулось благополучно. Я погиб намертво, а затем начал оживать. Странное ощущение, непередаваемое, словно все органы чувств рубильником отключили, а потом по одному заново включают. Прежде всего вернулось сознание. Я что-то различал, но не идентифицировал, ничего не соображал. Немного погодя постиг формы предметов, освещение, звуки, запахи. Ощутил, что жарко и хочется пить, и что постель моя очень жесткая, но ни встать, ни пошевелиться не мог. Тогда мне представился лесной ручей, глубокий, широкий, чистый-чистый, прозрачный, на дне золотистый песочек и камешки круглые – все видать, а по берегам заросли папоротника и мягкого мха. Я, используя силу воли, очутился посередине потока - лежу на спине, а течение меня как листок на себе несет, даже грести не нужно. Замечательно! И знаю, что не утону и приплыву именно туда, куда требуется. А небо синее-синее, солнце лучами шурится, деревья надо мной склоняются, листва на них сочная, летняя, светом напоенная, и птицы на все лады щебечут.

- Загадочный сон, но неплохой. А дальше что?

- На ручье попал я в реку, а на реке в море - бескрайнее, сверкающее, волны ласковые, с веселыми барашками. Дыша, качало меня море на груди своей, как мать дитя на руках баюкает, и пело, и улыбалось счастливо. Вдруг вижу: по солнечной дорожке яхта белопарусная движется, а на палубе ты и Динь-Дени. Ох, уж эти Динь-Дени, как всегда: они же не ходят, а скачут - воробьи воробьями. Захлопотали вы все, обрадовались мне. Скинули веревочную лестницу,

подняли к себе и принялись наперебой рассказывать. А вот что, я не припомню – проснулся и запамятовал, вроде как про лето, что оно было, или что будет... Нет, вылетело из головы.

- А может, что оно уже есть? И тебе следует проводить его с нами, а не на работе? – привычно заканючила я, жмурясь на яркий дневной свет, льющийся из незашторенного окна.

Да, лето правило бал, и мы, я и Динь-Дени, совершенно свободная троица, походничали напропалую. Целыми сутками, невзирая на погоду, под луной и дождями, не боясь получать благословение от сверхгрозных гроз. Мы жили магией рассветов и закатов, белых ночей и туманов, зноя и ливневых ураганов, радуги, солнечного блеска, звездного неба и зарниц. Всецело, и телом, и душой, пропитались солнцем, нега его тепла цветочным медом растворилась в нашей крови, струилась, бурлила под загорелой кожей.

Прости меня, Дина, девочка моя драгоценная, все так переменялось с тех пор, и прошлое кажется нереальным сном. В суете времени настоящего я предаю тебя, саму себя и свое право на то далекое, минувшее счастье - оно больше не принадлежит мне.

Сейчас я часто злюсь на ту «я», сделавшуюся чужой, на Дениса, на тебя, на Николая. Более того, обвиняю в чем-то, выношу приговоры. А тогда трудно было представить кого-либо дружнее нас. Помнишь, единственное, о чем мы спорили - «куда рвануть?»

Денис предпочитал наш родной Выборг, средневековый, сказочный, самый романтичный город Ингерманландии. А еще Высоцк (Тронгзунд, Уурас), Балтийское (Ниеменкюлю), Вязы (Путус), Манолу, Приморск (Койвисто), славящиеся лучшими сосновыми борами и небывало валунистой почвой, он знал все уголки и тропинки тех окрестностей, вплоть до совсем непроходимых, муравьиных, легко прыгая с камня на камень там, где другой не отважился бы пройти.

Дине нравилось выбираться на пресноводное питерское побережье: в Комарово (Келломяки), Репино (Куоккала), Солнечное (Оллила) и Сестрорецк. Дивные места, но на мой взгляд скучные: ни кораблей, ни лебедей, и цапли подбираются к ним не ближе Молодежного (Метсакюли, Мариоки). А худшая их беда – световое загрязнение от прибрежных зданий и дорожных фонарей, ночью они безбожно слепят - вульгарные, пытаются затмить собой звезды. Дина, что же хорошего в электрическом свете излишне курортных зон? Ведь ночная вода и песок и так дают достаточное количество освещения, чтобы гулять с комфортом, даже в новолуние.

Но зато как ты отплясывала сальсу под музыку тамошних ресторанчиков и кафешек! Однажды мы случайно набрали на фестиваль латина, организованный на взморье возле квартала «Светлый мир Внутри». Ты бросилась в толпу выступавших конкурсантов, Денис за тобой, и вы, под овацию публики, заняли первое место.

Уношусь в пережитое и вижу тот августовский закат и грандиозную золотую синь прогретого жарким солнцем небосвода. Север скрыт за темным, благоухающим сосновой хвоей лесом, восток сизо-голубой, над розовеющим югом распростерли крылья причудливые облака, а ультрамариновый запад пламенеет, горит в вулканической магме.

Томное море предвкушает полуночное волшебство, когда над ним раскинется океан фантастического, мерцающего бриллиантовой россыпью неба, дыхание воды сольется с дыханием Вселенной, и каждые пятнадцать минут одна из звезд будет спрыгивать прямо в наши ликующие, широко распахнутые глаза.

Наслаждаясь прохладой вечернего бриза, вы с Дэном застыли в трепетном па у кромки набегающих волн, ваши фигуры на фоне лавовых сфер кажутся черными силуэтами. Несколько мгновений длиною в роман – в шедевр о любви! И вы, взметнувшись, невесомые, отвергая все физические законы, сокрушая представления о бренности человеческих тел, неподвластные ничему обыденному, признающие лишь гармонию и грацию – кружитесь-кружитесь-кружитесь! Дина взлетает, гибкая, страстная, и Денис, устремившись за ней в поддержке, обвивает ее тело руками, принимает губами к тонким, изящным девичьим стопам.

Все аплодируют вам в такт зажигательным ритмам, ребяшня беснуется от восторга, и даже я, у которой танцы обычно вызывают паралич, невольно покачиваю бедрами и переступаю босыми ногами по мокрому песку.

Дине льстило внимание зрителей, она обожала оказываться на виду и тешиться в лучах славы, нет ничего удивительного в том, что она избрала многолюдные и шумные берега.

А я, благодаря Динь-Деням, открыла для себя южное побережье Финского залива, проникнувшись особой приязнью к Липово, Ручьям и Сосновому Бору, к необычайной, целительной соли их балтийских течений и изумительно белым пескам, нежным как шелк, пудрово мягким, не испорченным коварными острыми камушками - я могла гулять по ним бесконечно.

Странно, но я не приезжала сюда до знакомства с Динь-Денями, наверно оттого, что до недавнего времени здешние красоты числились закрытыми для посещения без специального пропуска, да и нынче при следовании через Лебяжье у вас потребуют паспорт – тут базируется бригада оперативного назначения и пограничных войск. Как же Дина доводила бедных парнишек-пограничников, строя глазки и умоляя рассказать, близко ли заграница, долго ли идти до Эстонии или плыть до Финляндии, и станут ли они стрелять если она погребет за кордон? Солдаты краснели, потели и радостно-глупо улыбались в ответ, ничуть не думая осадить нашу хулиганку.

Липово – моя душа, и коль прошлые жизни существуют, то, какая-то из них, несомненно, связана для меня с сей деревенькой, причем счастливейшая. Да, не иначе как жила я там рыбаком - подданным великого царства волн, песков, дюн и лесов, свободным, как чайка, окрыленным, словно морской ветер, вдохновленным отшельником, не ведающим слепоты, тесноты, злобы и обреченности суетного мира, прозванного цивилизацией. Тогда я считала небо надежной крышей над головой, и все, что есть под солнцем и луной, было мне уютно и дорого. Уплывала я на своем суденышке далеко-далеко от людей, а кто-то единственный, безмерно любимый, но позабытый, ждал меня на берегу. И сейчас, в теперешнем перерождении, силюсь я вспомнить его и себя прежнюю, гадаю об утраченном, о событиях, канувших в омут памяти, и не на дне его сокрытых, а под непрошибаемым дном, в недрах неведомых. Только изредка на поверхности водоворота чувств и мыслей появляются миражи тех очертаний, звуков, запахов, и озноб пробирает на палящем солнцепеке, а в разгар январской стужи охватывает жар. Как не верить в предыдущие воплощения? Все исхожено мной в Кандикюле-Липово-Ручьях-Устье еще до обретения имеющейся оболочки, это не фантазия, а твердое, многократно доказанное знание.

А Дина недолюбливала те края, называла их «забористыми».

- Дин, но почему? Ведь не сыскать места спокойнее и тише, - удивилась я, услышав подобную характеристику.

- Забористые окрестности. Грубые, злые, циничные. В начале пляжи, а дальше сплошные заборы-заборы-заборы, если не армейские, то гражданские. Издевательские заборы, подлые, прячутся в лесочке-борочке, пока не наткнешься – не увидишь, а попробуй обойти – ноги стопчешь! Хамство и гнусность!

Мне оставалось лишь посмеяться словечку «забористые» и отчасти признать ее правоту, имелась в бочке липовского меда такая ложка дегтя, грешили мое Липово и иже с ним досадными заграждениями. Крепостные стены вилл, замков, военных объектов, гидрометеорологических и экологических станций вставали на нашем пути и вынуждали наматывать лишние версты. А чего стоит НИИ оптико-электронного приборостроения в Устье, не говоря уже о НИТИ имени А.П.Александрова и Ленинградской атомной электростанции – они вобрали в себя всю деревню Долгово, уничтоженную во время Великой Отечественной войны.

Сосновый Бор – легендарный город-спутник ЛАЭС, но в первую очередь знаменит тем, что он в буквальном смысле город–сосновый бор. В нем сосен неизмеримо больше, чем домов, а жилые кварталы органично вписаны в лесные массивы, порой даже теряются в них. Здесь испытываешь магическое очарование – улицы просеками проложены среди деревьев, черничников, брусничников, мхов и песков. Все утопает в зелени – вечной, янтарностволой, источающей чудодейственный хвойный аромат. Архитекторам и строителям, возводившим Сосновый Бор, удалось сохранить нетронутыми обширные природные уголья – потрясающая планировка, уникальное творение и верх мастерства, можно же так строить!

Да-да! Этот город – самый лучший город на Земле! Самый пленительный, обожаемый мной, его воздух хочется пить, в нем сосны пахнут солнцем, а солнце пахнет соснами.

Но Динь-Дени не рвались упиваться сосновоборским нектаром. Денис, при всем своем желании угодить мне, ни за что не стал бы перечить Дине, собственным предпочтениям он никогда не придавал значения, так что мы, преимущественно, обитали на взморье с видами на Тотлебен, дамбу и Кронштадт.

В нашем территориальном споре безоговорочно победила Дина, в остальном же мы были сплоченными и неделимыми, как тулово Горыныча о трех макушках. «Мы – морские существа, и бесконечная водная стихия, сливающаяся с горизонтом – наш дом. И горизонт нам родной, и песок, и дюны, и сосны, и каждая чайка – наша сестра», – так Дэн описывал нашу компанию. Что же, точнее и правдивее не скажешь.

У нас выработался особенный, хитроумный взгляд на пространство: мы лежали спиной на глубокой воде и, запрокинув головы назад, смотрели на побережье. С данного ракурса виден шар – Земной шар, он голубой, синий, с материками крон деревьев. Или же сфера из моря, неба, песка и сосен, а в ней – загорающие и купающиеся люди. Необыкновенные люди, настоящие, вырвавшиеся из безумной гонки по магистрали бытия, всамделишные – свободные от самих себя, счастливые самым лучшим и простым счастьем – безусловным.

Да, именно так Бог задумал и создал Землю. Он придал ей форму шара – сине-голубого, золотого, зеленого, породившего и неустанно лелеющего прекраснейший из миров.

И наступил август. Мы шли друг за дружкой, сверкая в лучах своего благополучия, словно нанизанные на неосязаемую связующую нить самоцветы. Шагали под космической высью, усыпанной мириадами мерцающих звезд и увенчанной сказочным, платиновым месяцем – он облокотился на взбитый пух облачка и любовался ослепительным Юпитером. Преодолевали десятки километров – легкой поступью босых, тренированных ног, по тяжелым древним пескам, зыбким на берегу, а вдоль кромки залива сбитым волнами в гладкую, упругую тропу. Мы шли, а лето уходило.

Днем, когда солнце и кузнечики пребывали в зените, стояла жара, но она сменялась обжигающими ночными холодами. Земля остывала, вода становилась по-осеннему зеркальной, а хрустальный воздух заполнили бесчисленные невидимые паутинки странствующих паучков-аэронавтов.

Рябина набухла рубиновыми гроздьями, липам не терпелось обнажиться и уснуть, их листья-сердечки обращались в золото и падали, сплетались в половички да коврики. И березы, вслед за липами, принялись осыпать прохожих монетками и крылатками. Прочие деревья не спешили расставаться с летними нарядами и, хотя то тут, то там проскакивали красно-желтые искры, до пожара листопадной поры оставалось далеко. Вспыхнет он и погаснет, обратив все в наготу и сон, только целомудренные, гордые сосны и ели устоят перед всеобщим буйством.

Осень... Я всегда была осенью, явственно ощущаю это теперь, приближаясь к очередному возрастному рубежу. А Динь-Дени казались весной, с ее нежностью, угловатостью, бурлящей энергией соков. Любое их движение, взор, улыбка, жест, взъерошенные волосы, румянец на смуглых, полудетских мордашках, тождественны теплomu майскому ветру, незапыленной

листве, ароматам сирени и ландышей. Их голоса – живые, звонкие, как птичий гомон, а в смехе – журчанье ручейков. Они – отдельно взятое явление, единственное в своем роде – самый красивый цветок на цветущей поляне, самая яркая молния в грозе, самая манящая звезда в небе.

Минуло всего четыре года, а я чувствую себя старой, больной, обессиленной, безразличной и боюсь из осени превратиться в зиму. Безвременье, тоска, безысходность и одиночество стали моими спутниками вместо Динь-Деней. Жизнь без радости – как холодное, дождливое лето: считается, что оно есть, а на самом деле его нет, так и с жизнью. Зачем я не умерла молодой и счастливой?

Глава 5

УСТЫНСКИЙ МЫС

Если все «хорошо и замечательно», и жизнь вам «не в гадость, а в радость», то рано или поздно, непременно наступает «плохо». Но никогда не говорите, что хуже некуда. Поверьте, хуже всегда есть куда, ибо жить – означает страдать.

На мой взгляд, буддизм сформулировал данную характеристику бытия лучше любых других религий и философий. Будда провозгласил страдание первой благородной истиной и разделил его на три вида. Первое – страдание страданий, испытываемое непосредственно, второе – страдание перемен, боязнь потери, например, молодости и здоровья. И третье, эмпатичное и самое, как мне кажется, главное – всепроникающее страдание, гнетущее нас, заходя скорбящих о том, что имеющее начало обречено на конец, и рождение неминуемо приводит к смерти. Это ощущаемые всеми за одного страх и мучения, о которых Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Больной раком, проснувшийся ночью, – средоточие человеческого страдания».

Именно страдание страданий двигало принцем Сиддхартхой Гаутамой, увидевшим нищего старика, больного человека, разлагающийся труп и отшельника. Сопереживая им, он возжелал освободить всех живых существ от мук, и, став Буддой Шакьямуни, открыл нам Срединный Благородный Восьмеричный Путь, ведущий к прекращению страданий и нирване.

«Будучи молодым и черноволосым юношей, наделенным благословением юности, в самом расцвете лет, он обрил свои волосы и бороду, покинул родной дом ради бездомного скитания, в поисках того, что является благотворным, в исканиях непревзойденного состояния возвышенного покоя. Подверженный рождению, он нашел непревзойденное убежище, нашел Нерожденное, Ниббану; подверженный старению, постигнув угрозу в том, что подвержено старению, он нашел непревзойденное убежище, нашел Нестареющее, Ниббану; подверженный болезням, постигнув угрозу в том, что подвержено болезням, он нашел непревзойденное убежище, нашел Не подверженное болезням, Ниббану; подверженный смерти, постигнув угрозу в том, что подвержено смерти, он нашел непревзойденное убежище, нашел Неумирающее, Ниббану; подверженный печали, постигнув угрозу в том, что подвержено печали, он нашел непревзойденное убежище, нашел Беспечальное, Ниббану; подверженный загрязнению, постигнув угрозу в том, что подвержено загрязнению, он нашел непревзойденное убежище, нашел Незагрязненное, Ниббану».

Фрагмент «Арияпарийесана-сутты». «Собрание бесед из Палийского канона».

Неумолимо бежит время, вращается колесо сансары. Растаяли августовские звезды. Белые чайки полетели в безоблачных, сдержанно солнечных высях к такой же белой, как они, половинчатой дневной луне, а ночью она походила на кусок румяного, желтого сыра.

Начавшие опадать листья возвещали о приближении межсезонья – через пару месяцев они соткутся в бесконечные ковры, а пока робко стелются придорожными половичками. Лето завершилось, и нас все чаще охватывала некая тоска – страдание перемен. Даже наша звонкая

Дина, исключительно чуткая ко всему природному, притихла и перестала резвиться. Бывая на побережье, она беспрестанно останавливалась, с грустью, подолгу, будто расставаясь навсегда, вглядывалась в выстывающее море и в поднебесье, давно утратившее июльскую насыщенность, облачающееся в сизую дымку и дремотное марево.

Скоро исчезнет теплышко, благодать и дарованная ими свобода – вольготное житье-бытье, когда «под каждым листом нам готов и стол, и дом». Оплакивая разлуку с безмятежными деньками, промелькнет слезливая осень, и придет к власти жестокая владычица, беспощадная к живому, трепетному и беззащитному, закует мир в кандалы льдов и окутает снежным саваном.

Противники зимы разнятся с ее приверженцами лишь тем, что говорят правду. Она подобна ослепляющей белизной операционной, где болезнь и смерть – обыденные вещи. Ее невозможно любить, как нельзя пленяться стужей, гриппом, простудами, гололедом, переломами и черно-белыми днями, обделенными красками и светом.

Сентябрь выдался славным, без заморозков, по ночам отметка термометра не опускалась ниже +7, а днем доходила до +27. Все оставалось почти как летом, только темнело очень быстро, словно солнце выключали нажатием кнопки, воздух тут же охлаждался и выпадали зябкие росы. Закаты стали коротки – лишенные пылающей силы своей, они заливали запад нежнейшим золотом и стремительно скрывались за мрачным лесом.

Мокрядь-непогодь пришла первого октября. Тридцатое сентября совпало с полнолунием, мы походничали всю ночь, неспеша шагали по берегу от Зеленогорска к Сестрорецку. Отдыхали, сидя на камнях, наблюдая за мерно движущимся, антрацитовым заливом, внимая отяжелевшему дыханию волн – осенью балтийские воды становятся плотными, гулкими. Небо смотрелось едва ли не черным, без сини, а луна, наоборот, сияла ярко, чисто, празднично – как никак давался последний бал ее летней афиши, и она старалась привнести в него роскошь и радость. В Солнечном мы сделали привал и прикорнули, а проснулись от дождя. Вместе с утром наступила осень и непрекращающаяся морось.

С появлением октябрьского холода повалились напасти. Первая приключилась незадолго до встречи осени с морозом. В ту пору она молодая, роковая красавица – рыжеволосая, обожающая украшения, блистает краше лета, а потом, обуянная губительной страстью, скидывает с себя одежды и драгоценности. Рубины, золото и янтарь листопада, воздушный хрусталь, сапфиры и бирюза небес – все прочь в угоду безудержной нагоде. И, несчастная в любви, шальная, отдается бедняжка злодею с ледяным сердцем, чтобы погибнуть в его убийственных объятьях и обратиться в тлен.

О, чарующий, кристальный осенний покой, сладкий, но прощальный поцелуй природы перед зимним сном. Время искусных лиственных ковров и гобеленов, волшебное пронзительное чудо, которое люди топчут, пинают ногами и сжигают на кострах. И страшная сказка превращается в быль.

Не знаю, верить или нет, оттуда ли берут исток наши горести, впоследствии хлынувшие лавиной? Я не склонна к мистике, но с Диной возможно все...

В середине октября, после двух недель непроглядной серости, выглянуло солнышко, и все выжившие и неуснувшие вылезли на призыв его, пытались согреться в остывших лучах, умиляясь их рассеянной ласке и, уже привыкнув к полумраку, шурились заспанно, осоловело.

Мы вчетвером, я с мужем и Динь-Дени, гуляли в Липово и, решив дойти до Соснового Бора, забрели на Устьинский мыс – крайне неприятное место. Шли вдоль увитых колючей проволокой заборов НИИ оптико-электронного приборостроения, с недоброжелательными вывесками «Стоять! Стреляют!», продирались сквозь непроходимые, высотой с человеческий рост, шиповниковые дебри, оскальзывались на каменистой почве, поросшей крапивой, и проваливались в спрессованные залежи высохших водорослей.

В придачу ко всему, средь тихого, ясного дня невесть откуда налетел пронизывающий ветрище, и солнце пропало за свинцовыми тучами, сыплющими острыми крупинками града – вовсе не манна небесная.

Но Дина с упорством первопроходца-полярника вела нас на самую оконечность мыса. Мы уговаривали ее вернуться, даже Денис ныл и скулил, но все без толку. Оставалось, собрав волю в кулак и уповая на близкий финиш, следовать за нашей проводницей.

Предчувствовала ли она, знала ли, что мы увидим? Стоило ли соглашаться с ее словами о случайности находки? С Диной ни в чем нельзя быть уверенным, но в тот момент она казалась ошарашенной не меньше моего.

На треугольном выступе, окруженном бушующим морем и на сотни метров окаймленном причудливо разбросанными, огромными, древними, белыми от птичьего помета валунами, посредине гущи травы и осоки, образуя крест с линией горизонта, возвышался столб из отесанного бревна, а венчал его лошадиный череп.

Мертвая конская голова тарасилась на нас пустыми глазницами, свирепо сжав резцы и ехидно скалясь задними зубами, без ноздрей, с остроконечной, как жало, носовой костью – омерзительное, адово зрелище. Бревно оплетали разноцветные ленточки, трепеща на ветру, они извивались змеями и тянулись к нам.

Не отличаюсь боязливостью и истеричностью, большинство людей ошибочно полагают, будто я выдержанный, уравновешенный, отстраненный, едва ли не апатичный флегматик и не замечают присущей мне нервозности. Ума не приложу, что тогда случилось с моим рассудком и самообладанием: дико закричав, я упала на колени, и, закрыв лицо ладонями, зашлась в разнужданных бабских рыданиях, с воем, стонами, оханьем и причитаниями. Позор, да и только!

Когда я очнулась, Николай прижимал меня к груди, Денис поглаживал мой локоть и бормотал утешения, а Дина, сделавшись очень странной, противоестественной, посторонней, стояла, подбоченившись, вперив в нас оценивающий, надменный взгляд и кривя рот. Внезапно она расхохоталась, подбежала к столбу и, отцепив от него ленту красного цвета, принялась скакать и крутить ею, как художественная гимнастка.

- А Светик наша с приветиком! Прекращай задвиги, милая, успокойся! Эка невидаль, всего-навсего чернокнижное майское дерево, череп взамен венка водрузили, насмотрелся народ ужасиков. Зачем переживать? Всех перепугала, глупый-преглупый Светлячок, трусишка! - восклицала Дина, грубая, злая, незнакомая.

- Верно, Светуля-красотуля, что за малодушие? - поддакнул Николай, беря меня за плечи и встряхивая. - Тот, кто соорудил сей аттракцион, и не рассчитывал, что он будет иметь у тебя такой успех. Детишки дурью маются, а ты от страха обмираешь. Ну? Что ты?

- Да уж! - я через силу усмехнулась и встретила глазами с Денисом.

Смертельно бледный, с безумно расширившимися зрачками и с бисером пота над стиснутыми губами, он обреченно взирал на расшалившуюся Динку.

- Дина, прошу тебя, не прикасайся к этой гадости! – Денис с трудом вышел из оцепенения и попытался вырвать ленту из ее рук.

- Догони! Догони! А вот и не поймаешь! Не поймаешь! – веселилась та, бегая возле нас.

- Динка попалась, оторва! Держи ее, Денька! Эх, чертенята, Динь-Дени! - мой муж, смеясь, ухватил ее поперек туловища и потащил к Денису.

Дина верещала, выкручивалась, брыкалась и даже пробывала кусаться. В какой-то миг она развернулась лицом к Николаю, и резко, словно собираясь удавить, намотала красную дрянь вокруг его горла.

Он отпустил девчонку, постоял, ошеломленно озираясь, и неожиданно, к моему великому ужасу и отвращению, вместо того чтобы скинуть ленту, тщательно расправил ее и повязал бантом на своей шее.

- Вылитый кот Леопольд, - восхитилась Динка.

- Ребята, давайте жить дружно! – польщенно раскланялся Николай.

- Идиоты, – прорычал Денис, сорвал с него бант, с треском растерзал на лоскуты, скомкав, зашвырнул их в заросли и разразился чудовищной, непечатной бранью.

Поразившись Денискиному поведению, я позабыла и о шесте, и о Дининых аномалиях. Сложно было представить такого человека не то, что злым, но и элементарно сердитым. Если бы до того дня меня спросили: как выглядит яростный Дэн? Я бы ответила: да никак не выглядит, это нереально! Но, оказывается, и его возможно довести до бешенства. Эх, Динка-Динка...

В тот день в нашей компании впервые появился алкоголь. Николай, желая снять напряжение, заволок нас в лучший ресторан Соснового Бора, заказал элитные виски и шампанское, а к ним фирменные блюда и деликатесы.

Дина, игнорируя мои и Дэновы увещевания, практически не притрагиваясь к еде, бокал за бокалом пила шампанское, а затем переключилась на виски. Пошла в дамскую комнату, возвратилась оттуда с оброненной кем-то пачкой «Парламента» и начала безостановочно курить, с томным видом пуская кольца дыма и провожая их пьяным взглядом.

Вскоре ей стало плохо и по дороге домой несколько раз стошнило, в связи с чем таксист получил от моего мужа немислимо щедрые чаевые, которых хватило бы не только на чистку салона, но и на его полную замену.

- Вообще-то она непьющая и некурящая. Так, по мелочи. Иногда балуется, – оправдывался взъерошенный Денис, уложив Дину в гостевой спальне, – не понимаю, что на нее нашло.

- Как утверждал Платон: «Никакое тело не может быть столь крепким, чтобы вино не могло повредить его». С кем не случалось? И я по молодости Бахуса шибко уважал, особенно с восемнадцати до двадцати трех лет. Потом судьба шуганула и уму-разуму научила... Чувство меры, оно с возрастом и с опытом приходит. Да-а, однако. А в те годы такое вытворял, что зазорно вспоминать. А самое стыдное, что многого и не помню вовсе. Я тут, под Выборгом, на Высоцком острове чудил. Старожилов небось до сих пор жуть берет. Гм... Дружбан мой, теперь бывший, постарше и совсем безбашенный, это все он, алкаш. А я на кореша глядячи. Пока двадцать пять годков не исполнилось, умишка как у пятилетнего салажонка было. Озорничал, видите ли, – поведал хмельной, вследствие чего излишне словоохотливый и косноязычный Николай.

Прежде мне не доводилось слышать от него подобных признаний, но изумляться уже не оставалось сил – от тревог, усталости и шампанского у меня разыгралась нестерпимая мигрень. Пренебрегши душем, я приняла обезболивающее, завалилась в постель и проснулась лишь в двенадцать часов дня.

Когда я спустилась на кухню, то застала всех бодрствующих, но не здравствующих. Николай и Денис завтракали Хеннеси с лимоном, а рядом с совершенно больной Диной стояла запотевшая бутылка минералки.

Они вяло и смущенно поздоровались со мной, я, натянуто улыбаясь, буркнула в ответ «доброе утро, али день», запросила у кофемашины ристретто, но, почувствовав дурноту от кофейного запаха, передумала и заварила матчу.

Денис, кисло морщась, опрокинул в себя коньяк, сладко жмурясь, закусил его лимонной долькой, посмотрел на меня затравленно и отвернулся.

- Ну-ну, давай, Дэн, еще по полстопочки. Ты хоть порозовел, а то зеленый сидел, как Светиково пойло, фу, ненавижу всякую новомодную бурду. Похмелье – дело тонкое. Ты поверь, друг, я тебе не враг. И себе не враг. Никому не враг, просто жизнь такая штука, – нарочито весело сказал Николай, бросая на Дениса какие-то непонятные, заискивающие взгляды.

«Подозрительно, – удивилась я. – Дэн вчера трезвым казался, а сегодня прямо-таки изможден. Глаза красные, неужели плакал? Да и все его лицо, если приглядеться, мучнисто-белое, опухшее, будто зареванное. Носом шмыгает, дрожит, что с ним? И я не так много

выпила, максимум пять бокалов шампанского, не больше. Отчего же тогда вырубилась вечером и проспала полдня без просыпу?»

- Нет, достаточно, - отказался Денис, встал и подобрал валявшуюся на диване книгу. - Я раньше всех поднялся, порылся в вашей библиотеке, уж извините, что без разрешения. Вы дрыхли, а я почти всего «Отелло» прочитал. Люблю, знаете-ли Шекспира. Кстати, сэр Уильям считает...

Раздался звон разбившейся рюмки, уроненной Николаем, и воздух наполнился коньячными парами.

- Что ты, Дэн, в самом деле, под руку со своей классикой, на мою хворую голову. Я с детства того мавра не переносу, меня мать на оперу таскала. Пощади, Христа ради! – воскликнул Николай, запыленно орудуя совком, щеткой и тряпкой.

- «Я задушу тебя – и от любви сойду с ума! Ты перед сном молилась, Дездемона?» – расхохоталась Динка.

- Бог с ними, с убийствами, - взвился Денис. - Вы послушайте, что сведущий человек про алкоголь пишет, очень вам полезно будет: «Господи! Самим вливать в свой рот отраву, которая превращает тебя в дурака и скотину! И еще прыгать и радоваться по этому поводу! Не странно ли! Ты здраво рассуждаешь, и вдруг полоумеешь, а в следующий миг звереешь! Каждый лишний глоток – проклятье, а его содержимое – сатана».

- Все, Дэн, хватит, не ерничай. В конце концов, ты ведешь себя по-дурацки и вульгарно, - невозмутимо произнесла Дина, и на ее лице отразилась несвойственная ей, отрешенная, утомленная строгость.

Годами позже, вспоминая данный эпизод, я предположила, что Дина изменилась именно тогда. Было похоже на неожиданное взросление ребенка: вот он, вроде бы такой наивный, непоседливый, беззаботный, ничем не обремененный, и почему-то совершает или изрекает нечто несоответствующее детскому восприятию мира – он обзавелся новым знанием, волей, опытом и стал необратимо старше. Не хуже и не лучше, просто другим – взрослее. Родители дивятся, не узнавая родное дитя, но в скором времени привыкают к его необъяснимой оригинальности и не обращают на нее внимания – все течет, все меняется, и только их любовь остается непреходящей, безусловной.

В тот неуловимый момент наша беспокойная, легко возбудимая, шепотная Динка впервые проявила равнодушие, холодную рассудительность и, пожалуй, некоторую циничность.

- Минувший день, каким бы он ни выдался, уже закончился, исчез в былом, - излагала она тихим, лишенным выражения голосом, словно нехотя выговаривая слова. – Воспоминания - вещь надуманная и недостоверная, не стоит преподносить их за реальность. Прошлому нет места в настоящем, а будущее – фикция, ведь завтра никогда не наступает. Нужно жить днем насущным, сегодняшним. И этому «сегодня» мало нужды до свершившихся событий, ему бы за теперешними стремительно пролетающими минутами поспеть.

- Да, у Диночки от встречи с бесовщиной серьезный стресс случился, ишь впрямь умничать начала! Потому и перебрала. Я и сам, как представляю треклятый шест с черепом и Светикову истерику, так озноб пробирает, - поежился Николай.

- Нет, Ник, я не поумнела, а банально вымоталась – осенняя хандра, - ответила Дина и нахмурилась. - Мне параллельно, что мы вчера видели. Абсолютно неинтересна башка дохлой кобылы – со своей раскалывающейся головой разобраться бы. Ну да, напилась я намеренно, за что дюже страдаю. И не я одна. А ты, Дэн, знаешь... Заткнись и помалкивай. Не забывай, что мы в гостях. Твои нравоучения для хозяев – хамство. Не надо никому глаза открывать на очевидное, все тут совершеннолетние и вольны грешить как вздумается. Пожалей нас, не истязай откровениями и разоблачениями, нельзя быть настолько эгоистичным.

- Боже упаси! Исключительно из эгоизма больше ничего не скажу! Откровения? Разоблачения? Слишком дороги они нынче, а я духом обнищал. О нет, согласен увязнуть во лжи, как муха в патоке, лишь бы не горькая правда! - выпалил Денис.

- «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», - автоматически проговорила я, безуспешно силясь понять, о чем идет речь.

- И иже херувимы, - облегченно и очень довольно рассмеялся Николай. Дина тоже разом посветлела.

С тех пор, неведомо с чего, нет-нет да и мнилось мне, что Дина незнакомка, окруженная возвышенным ореолом значимости. И я не хотела рассекречивать ее, преобразившуюся, чтобы не развенчать внушаемое ею величие, оно выглядело таким непоколебимым, мудрым, я опасалась найти в нем суетность, глупость или поверхностность и разочароваться в обновленной Дине, ставшей для меня даже приятнее и дороже прежней. Что же, я всегда любила сотворять кумиров.

А на разговоры о том роковом дне из середины октября мы наложили табу. В чем же было дело, в пьянке? Разве она определила исход? Что послужило причиной, а что следствием?

Жалко мою Динку, жалко меня и мужа, и Дениса, все человечество жаль, алкоголь – непомерная, постыдная скорбь.

Не стану корчить из себя ни обвинителя, ни защитника, изводиться самобичеванием или тешиться самооправданием. Не раскаяние цель, а признание и понимание ошибок. Хорошо, когда действительность оборачивается выздоровлением от грехов, и дальше живешь чисто и достойно, более не оскверняя и не извращая собственную суть. А еще лучше, если перед этим ты не успел погубить свою и чужие судьбы.

Глава 6

ОСЕНЬ ТИХО УШЛА

Чушь, бред, нипочем не верю - не было никаких проклятий, мы могли бы и дальше жить – не тужить.

Да, сначала все складывалось совсем неплохо. Как не вспомнить тридцать первое октября и организованный Диной развеселый Хеллоуин! Мы вчетвером гуляли от Солнечного до Репино, одетые привидениями, в белых простынях поверх курток и размалеванные краше всех чертей. Завывали, ухали и скакали по взморью, пока кардинально испортившаяся погода не уладила наше буйство. Подмороженная морось, словно лаком, покрыла песок и камни тонкой ледяной коркой, стало очень скользко. Тучи вели бомбардировку тяжелыми, студеными капитошками, плевались крупными снежными хлопьями, похожими на шмотки мокрой ваты, ветер собирал их в пригоршни и швырял нам в лицо, развевал хэллоуинские одеяния, причитал, скулил, угрожал, преследовал и отвешивал оплеухи.

Дорога к репинской железнодорожной платформе превратилась в сплошной каток, мы семенили по ней пингвиньей походкой и опоздали на последнюю электричку. Добравшись до Выборга на такси, продолжили празднование у нас на кухне, переоборудовав ее в диско-зал, варили и пили глинтвейн, пекли имбирное печенье, играли в прятки и в фанты. Боже мой, какая выдалась потеха!

Динь-Дени снова заночевали в гостевой спальне, а я продрыхла до двух часов дня, да так крепко, что не слышала, когда они ушли. Соня-я-соня, ничего не попишешь, осенью и зимой в спячку впадают не только звери, но и многие люди.

Ноябрь бесподобен, изыскан, неотразим, вдоволь красок под его нарочитой хмурью: дивных, отрадных, еще не испоганенных снегом. Бусины ягод на обнаженных ветвях калины – яхонтовые, блестящие, полупрозрачно-светящиеся, украшенные капельками дождя. И малахит

хвои, и гаснущая позолота листвы, и редкая, возвращающаяся в землю, зелень трав - обворотно засыпает природа, опрятная в неряшливости, живая даже в тлении, яркая в серости.

Погожий денек сменился тихим вечером, мы шли по бесконечной дорожке, выстланной ковром листопада, выющейся вдоль северного побережья Невской губы, от Лахты, через природный заказник и до Лисьего Носа. Нас благословляла растущая луна, освещенная пламенным закатом и сиянием своим соперничающая с солнцем. Чудесное небо, уютное, радостное, сладкое – янтарь и рубин - мед и малиновое варенье.

Слева раскинулось царство тростника, настолько бескрайнее, высокое и густое, что закрывало собой воды залива и небоскребы петербургского берега, а справа стеной стояла дубрава. Тропа петляла под сенью вековых гигантов, молоденькие дубки доверчиво протягивали к нам пряные листья, и желудей под ногами валялось больше, чем камушков.

Тростниковые заросли шелестели и покачивались в такт ветру, вовсе не ноябрьскому, по-весеннему легкому, теплему, приветливому - они танцевали, им аккомпанировали наши сердца. Море движущихся стеблей улаждало слух, колыхались трехметровые волны, увенчанные барашками пушистых метелок, и моя кровь пульсировала в ритме регги.

Дина шла впереди, за ней Денис, а за ними, взявшись за руки, мы с Николаем.

Динина походка – поступь порхающей дакини, быстрая, плавная, игривая, исполненная кошачьей грации. Она спешила, опасаясь, что скоро стемнеет, а мы втроем невольно задерживали шаг, чтобы полюбоваться ею.

Денис, глядя то на Дину, то на луну, то на закат, напевал, мурлыкал себе под нос, на мотив песни Робин Райт из «Беовульфа»:

*«- Осень тихо идет,
Луна и солнце нежно смотрят ей вслед.
Сердце влюбленного заката пылает огнем.
Ла. Ла. Ла-ла-ла-ла. Ла-ла. Ла-ла.
Сердце пылает огнем.
Губы осени слаще ягод и ярче роз,
Кожа прозрачна, как лунный свет,
Глаза, как небесный хрусталь.
Ла. Ла. Ла-ла-ла-ла. Ла-ла. Ла-ла.
Как небесный хрусталь».*

Вдруг Дина остановилась, обернулась к нам и спросила:

- В сосновом лесу - молиться, в березовом - веселиться, в осиновом – удавиться, а что в дубовом? Кто-нибудь в курсе?

- Дуб подразумевает могущество, власть, мощь, мужское начало. Он андроцентрист, не женское дерево. К здоровым и хватким дамам вполне лоялен, но малохолмным девицам лучше к нему не прикасаться. У славян дуб олицетворял Перуна, у греков – Зевса, у римлян – Юпитера, у скандинавов – Тора. Он символ богов-громовержцев, древо воинства и доблести, мужества и славы, честолюбия и державности, - Николай с удовольствием, но несколько напыщенно и кичливо продемонстрировал свою эрудицию.

- Надо же, я не знала, - протянула я, удивленная тоном мужа и расстроенная смыслом сказанного им. – Чего-то мне он, как пацифистке, перестал симпатизировать. Я считала его добряком и донором. Питающим, тонизирующим, укрепляющим дух и тело, за просто так раздающим силы и энергию.

- Просто так ничего не бывает, - рассмеялся Николай. – Ежели хочешь одаривать других ништяками, надобно самому их иметь. Стяжать благоденствие и богатство, в том числе, при необходимости, путем завоеваний. И какое у тебя обывательское, потребительское отношение!

«Питающий, тонизирующий, укрепляющий». Энергетика друидов - не шампунь, не крем. Эх, жена моя, ты женщина на все сто процентов. Заметь, это не хамство, а комплимент. Ты у меня, Светуля-Красотуля, исключительно женственная.

- Верно, временами даже слишком, - хмыкнула Дина. – Дуб определенно не твой оберег. Я - совсем иное дело и в некотором роде воительница, борец. Расшибусь, но заполучу то, что мне пожелается. Непременно понравлюсь ему, мы с ним одной сути. Хлюпиков судьба третирует, не упускает случая дать им пинка под зад, так что грустить и унывать категорически нельзя. Но вот ведь незадача, приходится чахнуть с тех пор, как истек август, сохнуть, дохнуть, портиться без порчи.

Она положила ладони на кряжистый ствол столетнего исполина, подняла глаза к его кроне и призналась:

- Ох, не люблю золотую осень, то не золото с багрянцем, а предсмертная желтуха с кровавыми язвами, неизлечимый недуг обреченных опать и сгнуть листьев. Угасло летнее тепло, а с ним и озаренная солнечным светом изумрудность деревьев. Костями, лишенными плоти, видятся мне их голые ветки, в корчах тянущимися, словно моля о помощи.

- Так и есть, полный мрак, непроглядный. Хоть с ума сходи от безысходности, - согласился Денис, скорбно понурился и, не дожидаясь нас, побрел дальше.

В крайнем изумлении наблюдала я, как кручинятся некогда беспечные, задорные Динь-Дени, и ужасалась зарождающемуся ощущению начала конца, тошному предчувствию трагических перемен.

Что же теперь делать, что же тогда было делать? «Хоть с ума сходи от безысходности» - точно подметил Денис. Пролетело и исчезло лето, а с ним и наше счастливое бытие. Неимоверно жаль. И я мысленно глажу нас тех – благополучных и благодатных, касаюсь робкой рукой - ласково, неосяземо, подобно взмаху ангельского крыла. Это единственное, чем я сейчас, по прошествии стольких горьких дней, способна помочь себе и вам, любимые мои, драгоценные, родные. Простите меня за все, Николай, Дина, Денис. И дадут мне все добрые боги сил, выдержки и мудрости, чтобы я смогла простить вас.

Наступила зима. Снова неожиданно-негаданно, как запланированная, но запаматованная дата визита несносной родственницы. Да, вы травили анекдоты о ней, судачили, что она бабушкину самовару двоюродный подсвечник, но от судьбы не уйдешь и не так страшен черт, как его малюют. И вот стервозная тетка уже всю хозяйничает в вашем доме, а вам остается лишь терпеть и предвкушать ее отъезд.

Очумелое, неподвластное рассудку нашествие зимы - тяжело. Схожее с беспробудным, вязким, черно-белым кошмаром, опутавшим мир, обрушившим негу красочного сна, или с паутиной, преградившей путь бабочке, или с вирусом, которым надо переболеть.

Значительно позже, смирившись с зимой, с самой собой и многим-многом другим, я осознала и поняла: чисто и привольно спит природа, мягко и сладко ей под сахарно-белым одеялом. И нет в ней печали по весне и лету - будет день и будет пища, нынче ее питает отдых. А в сновидениях ее люди, птицы, звери. И я тоже снюсь ей. А может все снится мне?

Мы так часто, и правомерно, жалуемся на жизнь. Но после нескольких месяцев зимней тоски нас ждет огромное, настоящее счастье. И придет оно бесконтрольно, неукротимо, его не нужно добиваться, ради него ничем не жертвуют и даже стремиться к нему совсем необязательно. Оно просто свершится! Имя тому счастью – весна.

Спустя уйму лет я постигла сию истину, а в те времена была излишне самонадеянна, глупа и несправедлива.

Потом отмечали Новый год - пошлый, сумбурный, нерадостный. С суетой, майонезом, попойками, пьяным хохотом и грохотом петард. Динь-Дени купили убиенную ель, приволокли

ее к нам и с визгом обрядили бьющимися животными, заиндевелыми шишками, пластиковыми шарами и мишурой.

Я старалась без надобности не заходить в гостиную, обвитую проводами гирлянд и мерцающую разноцветными вспышками, она навевала на меня дурноту и воспоминания о припадке, случившемся в тринадцатилетнем возрасте при электроэнцефалографическом обследовании.

С трудом переносу Новый год - НГ, и не удивительно. Тот инцидент произошел в двадцатых числах декабря, сразившая меня хворь совпала с годовщиной смерти папы - он умер в больнице.

В ночь одиннадцатого дня рождения я рыдала в подушку, чувствуя себя преданной. Отчего-то мой бестолковый детский ум решил, будто отец променял мою с ним дружбу, трепетную, лучезарную, лучшую на свете, на свое заболевание - лишь о нем и думает, только им интересуется, я же сделалась ему чужда, скучна и обременительна. Постыдная, извращенная, противоестественная ревность, она изводила, разъедала еще неокрепшую душу, через нее я впервые познала грех и горе.

Немыслимо жестоко, цинично и нелепо, что именно папе, который любил меня так сильно, как никто иной ни в ту пору, ни впоследствии, выпало послужить источником моих наиболее сокровенных и неизбывных страданий.

Он принадлежал к породе редких, замечательных людей, умеющих жить счастливо не благодаря, а вопреки, и сиянием своим освещающих и согревающих других. Почему ему, заботливому волшебнику, доброму мудрецу, опекающему и радующему всех вокруг, пришлось погаснуть столь рано и мучительно?

В двенадцать лет я лишилась отца, и моя жизнь рухнула. Никогда не говорите, что хуже некуда, поверьте, хуже всегда есть куда, и в четырнадцать лет я стала тетей – племянники родились под Рождество, на том мое детство кончилось, несуразная, беспомощная, запуганная и глубоко несчастная девочка-подросток превратилась в «ты же уже совсем взрослая».

Я мечтала о котенке или щенке, а сестра притащила сразу двух невыносимых человеческих детенышей и дурковатого супруга. Черт ее дернул загулять, залететь и родить двойню в семнадцать лет. Мы с ней совершенно разные, чужие, неспособные ужиться вместе: я тихая, скованная, нелюдимая и болезненно застенчивая, а она шумная, разухабистая, простая и прилипчивая, как коровья лепешка. Сейчас мы вовсе не общаемся, а тогда она не давала мне никакого прохода, всячески пытаясь растормошить и переделать под свое понимание мироустройства.

С появлением младенцев уютные признаки обитания папы, еще остававшиеся в квартире, оказались погребены под распашонками-погремушками, горшками-соплями-воплями и отвратным паром кипятящихся пеленок. Фортуне, ангелу-хранителю и прочим ответственным за счастье существам до меня дела было не больше, чем до выставленной на балкон и забытой там елки, словно парализованной собственной неуместностью и боящейся осыпаться. Так с чего же мне любить НГ?

Глава 7

СИГАРЕТА УБИЛА АНГЕЛА

Моя первая динь-деневская зима выдалась на редкость лютой - злощей стервой с небывалыми морозами, буранами, сугробами по пояс, торосами, заносами, со страшным ревом и свистом метелей и дождями из льдистых игл. Декабрь, январь, февраль и половина марта – сезон борьбы за выживание. Не жить, а пережить - до чего же сложно! То ли дело лето. Лето – это просто – это просто счастье!

Всего один погожий денечек был, и тот уже в феврале. Термометр показывал около ноля градусов, каждую веточку облепил мягкий снежок – теплый, влажный, отнюдь не гадкий, не

студеный, и воздух вдруг наполнился нежной свежестью марта. Мы с мужем и Динь-Денями намеревались на следующее утро выбраться в Липово, но сбылись худшие прогнозы метеорологов: ночью ударил колотун в минус двадцать пять, а гололед превратил все дороги, дорожки и тропы в экстремальный каток.

«И пришла зима... Звучит, точно “пришла беда”. Однообразные, унылые, неживые чудеса зимней поры. Кому в радость ее омертвелая красота? Северные звери адаптированы к низким температурам, не удивительно: пробираясь через снежные завалы, взмокнешь весь. Сугроб от слова “гроб”. Погребальное пристанище окоченевшей земли. Воскреснет ли она?» - так размышляю я, то кутаясь в плед, то скидывая его с себя.

Двое суток почти без сна, лишь нечаянное короткое забытие, после которого становится еще тяжелее и горше. Безжалостная тварь вцепляется в сердце раскаленными когтями и ледяными зубами - то жар, то холод. Монстр отпустил сердце и кинулся в мозг. Господи, как мучительно больно, адова мигрень! Я истерзана, задыхаюсь от боли и плачу – тихо и бессильно, словно погибающий олененок. Совсем одна, Николай на три недели уехал по работе в Германию, Динка напросилась с ним, Денис днюет и ночует в мужнином питерском офисе, в Выборг оттуда не наездишься, а я... А у меня будет ребенок. Кто же знал, что беременность сродни бесконечной агонии. И таблетку не принять. Токсикоза нет, но сдается мне, он не за горами. Опять выюга. Воеет - мне подвывает. Снежинки мухами быются в стекло. А может открыть окно и выпрыгнуть? Нет, не дай боже! Ведь там невыносимая стужа, лучше залезть с головой под одеяло, свернуться калачиком и наконец-то умереть.

Эх, Динь-Дени, парочка очаровательных, молоденьких, развеселых бесенят. От ночных игр, устраиваемых ими в нашей гостевой спальне, стены ходуном во всем доме ходили, никакая хваленая элитная шумоизоляция не помогала.

Заряжаясь их энергией, Коля настолько помолодел, что к февралю я забеременела, несмотря на то что предохранялась.

Мы не возражали против самой идеи завести малыша, но считали его рождение событием, отложенным на далекое потом, когда вдоволь поживем для себя, остепенимся и заскучаем от удовольствий бездетного супружества.

Муж не испытывал ни восторга, ни печали и, поглядев на тест с двумя полосками, благодушно пожал плечами: «Раз уж так, то и ладно, по-любому пришлось бы». Вообще, судя по отношению Николая к Карине, десятилетней дочери от первого брака, проживавшей с его бывшей женой в Москве, дети не вызывали у него особых отцовских чувств и привязанности. Периодически он стремился выполнять родительские обязанности и проявлял к ней доброту, щедрость и терпеливость, но оставался индифферентен к ее внутреннему миру. Чаще же всего он вовсе не вспоминал о ее существовании.

Мужу мое положение было безразлично, а со мной, помимо межреберной невралгии и мигрени, происходило непойми чего, приступы плаксивости и смятения сменялись необъяснимой, не менее изнуряющей эйфорией.

Я то досадовала из-за погубленной беззаботности, то мечтала о красивой колясочке, то хотела гулять сама по себе без нее. Мысли об огромном животе навевали тоску, а предстоящие роды приводили в ужас. Притом порой меня переполняла невероятная, щемящая нежность к крошечному, растущему во мне чуду, и я лила слезы от умиления. Ничего не попишешь, гормоны. Полагаю, подобные метания нормальны для дамочек, случайно очутившихся на сносях, лишенных гипертрофированного материнского инстинкта и в придачу не блещущих здоровьем. Я опасалась разочароваться в жизни, в материнстве, в ребенке. Но еще сильнее боялась сделать маленького человечка несчастным или воспитывать в атмосфере лжи.

Спустя месяц боли стали значительно меньше и реже, а впоследствии начисто прошли. К моей вящей радости, токсикоз не начинался, одно плохо – материнский инстинкт тоже не возникал.

Я надеялась, что все переменится, когда малыш начнет шевелиться или станет известно мальчик это или девочка. Но решила загодя работать над собой и осваивать навыки общения с детьми. Поэтому уговорила мужа пригласить к нам Карину на всю неделю весенних каникул. Она и раньше гостила у нас, но не больше двух дней подряд, не скажу, будто мы хорошо знали друг друга, но вроде бы ладили.

Николай пропадал по делам, а мы с Кариной совершали моционы и променады, наслаждались мартовским солнышком, подсохшим асфальтом, прогретыми булыжниками выборгских мостовых, проталинами и ручейками в Монрепо, болтали, играли и даже пекли оладушки. Она оказалась не шибко умной, но очень милой, доверчивой, прямодушной простушкой и поведала следующее: «А в маминой спальне кровать с балдахином, как у императрицы! Папе она тоже жутко нравится, они с мамой вместе спят, если он в Москву приезжает».

Ни один мускул не дрогнул на моем лице, когда я услышала ее невольное признание, но вы догадываетесь, чего оно мне стоило. Слава богу, что отъезд Карины уже был запланирован на тот же вечер.

- Спать с бывшей женой – не измена. Она, в принципе, такая же жена, как и ты, разве что бывшая. Сама посуди, у меня с ней дочка общая, столько лет совместного брака. В конце концов, я ее без мужика оставил, уйдя к тебе. Получается, должен как-то компенсировать, удовлетворять ее женские потребности, отрабатывать, так сказать. Неужто не понимаешь, у нас в Москве филиал, прикажешь в гостинице прозябать? – невозмутимо парировал обвинения мой благоверный.

- Как ты посмел? – повторяла я и плакала, и плакала, не в состоянии остановиться.

- Ну, Светуля, Светлячок, прекрати, не рви мужнино сердце. Ты не представляешь, что со мной от твоих слез творится. Меня не жалко, так себя пожалей и ребенка, – бормотал он, опустив очи долу и хмурясь. – Жenuля моя, Красотуля, прошу тебя, не реви. Эх... Хочешь я к тебе стихами воззову, экспромтом белым и чистым взмолюсь: ревут-ревут волны и ветер, дюже велика их сила ревущая, рокочущая, бешенная, и бьется она о безмолвную, строгую мощь скал, а скалы каменно молчат.

- Это ты-то строгая скала и сила? Действительно, молчал бы! Как после этакого язык поворачивается меня «Жenuлей своей» величать? Мерзавец! Ты мне отвратителен, ненавижу! Угораздило выйти замуж за подонка. Кобель паскудный! – взвилась я, совершенно потеряв разум.

- Света, не скатывайся до ругани и обзывательств, ты не меня, а себя унижаешь.

- Да, я униженная и хамка! Моралист выискался! Заткнись, убирайся, видеть тебя не могу.

Николай исполнил мое пожелание и удрал в питерский офис, а в качестве переговорщика прислал Дину – утешать и увещевать.

- Ну козел он, козлище прямо-таки, не отрицаю. Будь практичной и великодушной, прости его, дурака. Что тут предпримешь? Теперь не жить что ли? – Дина отпаивала меня чаем с мелиссой, а сама потягивала пиво. – Мужики все такие, в них природой заложена цель осеменить побольше самок.

- Правда?! И Денис? – я снова взбеленилась, уже на Дину, - ты бы сумела простить?

- Денис? Нет! Он мне не изменит. Он вообще не способен кому-либо изменить, такой уж человек, - Дина задумчиво покачала головой и ухмыльнулась. - Даже интересно. Пожалуй, стоит проверить.

- Совсем очумела! Динка, что ты мелешь? Не трогай Дэна! – я не на шутку перепугалась, ведь с нашей чертовой вольницы станется, что угодно вытворит, коли вожжа под хвост попадет.

- Да прикалываюсь я, успокойся. Ты постоянно упускаешь из виду: тебе нельзя нервничать. Чушь, блажь и ерунда, не обращай внимания! А с Ника я клятву возьму, он с сегодняшнего дня навсегда к своей бывшей дороге запомнит и в Москву таскаться перестанет.

- А как же Карина? – расстроилась я.

- Да начхать ему на нее, и он ей тоже без особой надобности, - фыркнула Динка. - А миссис секонд-хенд пусть другого хахалю себе найдет. Может оно и к лучшему вышло – выяснилось, отрубили и дело с концом.

Вскоре, остыв и исследовав трагедию под иным углом, я нехотя признала Динину правоту, в сущности, что мне оставалось, кроме как смириться?

- Светлячок, не грусти, отбрось все невзгоды и тревоги, пришла весна. Слышишь? Весна! О, весна! А еще я вчера сочинила одну вещицу, хочу ею с тобой поделиться, - Дина достала из рюкзака испещренный записями блокнот и зачитала:

«Усталый путник брел по зимнему взморью. Не несли его ноги, вязли в снегу, оскальзывались на наледи, башмаки черпали острые камушки и осколки ракушек. Порой он останавливался и подолгу стоял. Надвигал шапку на лоб, прикрывал обмороженное лицо рукавицами, но воспаленные, слезящиеся глаза держал широко открытыми. Шквалистые порывы ветра удар за ударом били страдальца в грудь, а он смотрел и смотрел, не в силах отвести взгляда.

Мрачная картина представала созерцателю: вширь и вдаль раскинулось сумеречное небо, снизу бесконечно-белое снежное полотно, а посередине свинцовые тучи и льды. Хотел путник узреть море, но недостижимым сделалось оно, далеким и сокрытым за ледяными торосами. Есть ли там, у самого горизонта, волны? Иль то мираж колышется зловещим маревом?

Очнувшись от неподвижности, странник откашливался, разминал заочневшие конечности и шагал вперед. Беспросветный серый день сменился лиловым вечером, а путь его все не кончался.

Ночь сжалилась над бродягой и подарила ему ясный небосвод со звездами и полную, кипящую платиной луну. Благодатной явилась та луна и ярче солнца осветила заснеженное побережье. Повела она беднягу за собой, за дюны и вывела к деревьям. Но испугался он голых, скорченных от холода ветвей, словно неживых, убиенных стужей.

Погибал скиталец и оплакивал себя. Но неожиданно донесся до него дух рождественский, ангельский, хвойный. Пополз несчастный к нему и очутился в объятиях пушистых еловых лап. В них отогрелся он, спасся и выжил.

С того времени стал пилигрим часто встречать ангелов, он и раньше видал их, но не замечал. А мудрецам они известны испокон веков, и все людские народы наслышаны об этом божественном племени, лишь называют его по-разному».

- Динка, тебе нужно издаваться, - в который раз сказала я, вечно очарованная ее виденьем жизни. – Не отмахивайся, серьезно говорю.

- Ладно, Светлячок, - лукаво согласилась Дина. - Я напечатаю и выпущу небольшой сборник притч и эссе. А ты сейчас же пообещаешь мне Кольку помиловать, принять, обнять и прочее. Впредь не коря его в грехах и преступлениях против супружеской верности. Баш на баш. Идет?

- Бежит... Черт, ну какой он скотина! – простонала я, но, заглянув в умоляющие Динины глаза, выдавила: - Да, я прощу, притворюсь, будто не виню. Но не потому, что он заслуживает хорошего отношения, а ради ребенка. Что здесь исправишь, придется простить и предать инцидент забвению.

Наступила ночь. Дина ушла после одиннадцати, муж перетрусил и заночевал на работе, а я маялась бессонницей. Проворочавшись, как блин на сковородке, пооткрывав и позакрывав форточку, я плюнула, оделась и отправилась на улицу. Пребывание на свежем весеннем воздухе – надежное лекарство от любых бед.

Выйдя из дома, я поежилась от холода, приятно бодрящего мое раскисшее тело, и, засунув руки в карманы, нашла в одном из них пачку «Собрания» и зажигалку.

«Динка, негодяйка мелкая, забыла их, когда бегала в аптеку за седативным для беременных и по обыкновению покусилась на это прадовское пальто, привезенное мне мужем из Милана, - вспомнила я и затосковала. – Глупая девочка, разве в шмотках счастье? Вот поросяенок, а врет, что не курит. Эх, вдобавок и пиво хлещет».

Не заметив как, я оказалась на набережной Салакка-Лахти возле Рыночной площади и, облокотившись на ограду, застыла изваянием, задрав голову к чернильной, немислимо темной выси – неужели сверхмассивная черная дыра поглотила все сияния Вселенной? Остались только убывающая луна слева, яркая Венера справа, да мутный оранжевый фонарь, подслеповато щурящийся мне в спину. Колокол на Часовой башне пробил четыре раза.

И вдруг в небе зашевелился пунктирный клин из белых галочек ✓✓✓✓✓✓, плавно удаляющийся к морю. Чайки! Освещаемые луной они летели во мгле беззвучно, точно опасаясь обнаружить себя, торопились покинуть город.

- Что гонит вас среди ночи, сестры мои, отчего не спите? – спросила я вслед, и, не получив ответа, побрела дальше, еще острее ощущая свое одиночество.

Мне отчаянно захотелось побывать в обществе людей, но обязательно посторонних, незнакомых и равнодушных, чтобы они, занятые исключительно собой, окутали меня суетой, отвлекли жужжанием пустых разговоров, согрели спертými запахами парфюма и дыхания. Я направилась к ресторану Эспиля, собираясь отсидеться там, где-нибудь в уголке, с чашкой горячего чая и пирожным, но он, конечно-же, в пятом часу утра был закрыт. Вокруг его террасы дотаивали истлевшие слежавшиеся сугробы, а когда-то она утопала в зелени, благоухающих цветах и солнечном зное, мы чествовали Динь-Деней, замечательная у них пара, даже родились в один день.

От июньских воспоминаний я окончательно замерзла, повернула в сторону дома, но передумала и... Господи, ну зачем?! Зачем мне понадобилось сделать крюк по Прогонной улице и прогуляться к Усадьбе бюргера?

Это особенно романтичное и знаменитое здание Выборга, неизменно притягивающее меня. Издревле красуется оно в Старом городе между Прогонной улицей и улицей Водной Заставы. Три этажа сложенные из камней, под крутой скатной крышей из красной черепицы – ожившая сказка шестнадцатого столетия, личный маленький замок средневекового богатого горожанина.

«Наверное, его жена гордилась: “Мой дом – моя крепость. Я замужем - за мужем, как за каменной стеной”, - мнилось мне. - А я? А я оскверненная, надруганная, преданная. Почему такое горе? За что такая грязь? Горько, больно и мерзко. Ненавижу Николая, презираю его и сама себе противна. Возможно ли пережить случившееся и не разойтись? Нет, я не выдержу подобную пытку. Ни за какие коврижки».

Опять душили слезы, я разрыдалась, пряча лицо в ладони, заледеневшие от нервного озноба. Полезла в карман за платком и вновь наткнулась на Динкино курево. Не знаю, какой бес вселился в меня в тот момент, но я решила закурить – назло всему и всем, дабы показать, насколько я независима от них и их козней, отомстить обидчикам-обманщикам: мужу, судьбе, социуму, добропорядочным и законопослушным гражданам, идиотам, сочетающимся браком.

Я шла с сигаретой, вдыхая и выдыхая горечь едкого дыма, от непривычки чувствуя головокружение и тошноту, ведь всерьез никогда не курила, так, баловалась, причем в последний раз это происходило аж на первых курсах института.

От Дома бургера к Дому на скале, шаг за шагом поднималась я по роковым ступеням, прочь от чужого очага и счастья, за пределы собственного разоренного гнезда, от беды и предательства, сбежать из Старого города, куда глаза глядят, например, на Смоляной мыс – полюбоваться на ледоход.

Не понимаю, что затем произошло. Добравшись до вершины лестницы, я засмотрелась на странный огонек в окне Костела Святого Гиацинта, и то ли поскользнулась, то ли оступилась, а может быть просто упала - внезапно, после очередной затяжки, мир перевернулся, и чья-то огромная, словно вовсе не моя тень опрометью кинулась мне под ноги... Больше я ничего не помню.

Так никотин убил лучшего из всех ангелов, самого красивого, милого и доброго, не успевшего родиться ребенка.

Глава 8

АД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Спасительное забытие опрокидывается, разбивается, сокрушенное изнурительным сновидением. Я с трудом размежаю веки, и тут же моя голова наполняется бредовыми мыслями, они жужжат так назойливо, что не слышишь ничего кроме них. Кружат, кишат, копошатся, словно пчелы в улье, жалятся. Грузные мысли, прелые, затекшие от сумбурной дремы, они порождение недуга, терзающего тело и опустошающего душу.

Отчаяние сменяется безразличием, я отбрасываю мечты о выздоровлении и сплю бездумно, не видя снов, не замечая их. И спала бы сутки напролет, кабы меня не будили. Врачи, медсестры, муж, Динь-Дени, что им всем от меня нужно? Кого они ищут во мне, кого призывают? Той, знакомой и близкой им, больше нет, она погибла, и мне жаль ее, славную, светлую, радостную и бесконечно глупую своими надеждами и верой в лучшее. Она инородна для этого организма, исторгнута из него, не ждите ее возвращения. Я – отрешенный слизень, склизкий, дряблый, проткнутый бесчисленными капельницами и катетерами, распластанный на промокшей от пота простыне.

Я равнодушна ко всему, за исключением болезни, мы с ней - единое целое, она – моя новая действительность с иными физическими и метафизическими законами, я вынуждена подчиняться им. Я умираю? О, как же нестерпимо больно умирать, оно не стоит жизни! Теперь ясно, что испытывал перед смертью папа, из-за чего сделался пугающе непонятен и отчужден.

Запах спирта, холодок на коже, пронзительное проникновение жала иглы, и меня охватывает блаженная нега покоя и уюта, становится настолько легко и приятно, что мои пересохшие, до крови растрескавшиеся губы невольно расплываются в улыбке и причмокивают, как у младенца, предвкушающего сладость материнского молока. Младенец? Но ведь его и не было вовсе, а значит и бог с ним, так надо и хорошо. В данный момент я имею право запереть двери памяти и обходить их стороной.

Одеяло, которое давило непомерной тяжестью и душило, превращается в пух лебяжий, я совою из него кокон, усну и растворюсь в райских грезах, а потом проснусь прекрасной бабочкой и улечу туда, где голубое небо и синее море, луга с травой по пояс и звенящие птицами леса, где во всей красе своей распускаются цветы, неумолчно бежит хрустальный ручей и сверкают капли росы. Где солнечные дни, медовые рассветы и малиновые закаты, и соловей воспекает полную луну. Ах, как чудесно!

Но просыпаюсь я не бабочкой и даже не гусеницей, а все тем же растекшимся по больничной постели слизнем.

Через несколько дней адская боль, лишавшая рассудка, заслонявшая собой весь мир, не позволявшая думать ни о чем, лишь о невыносимости каждого вздоха, проходит. Сил нет - жалкие силенки, но я дышу свободно и понемногу пробую шевелиться. Вместе с вернувшимся

сознанием появляется тоска о потерянном ребенке. Но я не способна сполна прочувствовать утрату, вызвать в себе эмпатию к нерожденному, а тем более горевать о нем - страдания плоти приучили меня к эгоизму и оберегают от душевных тревог.

Мучился ли он? Если и да, то недолго. Мне не до него, я нянчу свое беспомощное и невероятно требовательное тело – странная штука жизнь, безумная, непредсказуемая, такая сволочь и стерва, что убил бы, кабы не ценил ее превыше всего на свете.

Малыша нет и не будет, и окружающим не остается ничего другого, как возиться и сюсюкаться со мной. Но одна медсестра не участвует в общем ритуале. Дородная, басистая, могучая, баба-богатырша, она играючи поднимала меня, сотрясая, таская и тиская, словно кошка бес-толкового котенка, и всерьез полагала, будто я не смогу выздороветь без ежедневных клизм, отвратного больничного супа, который «раз в сутки должен быть в желудке» и ее громогласных наставлений. Чего только я не наслушалась от проклятой тетки! «Не скули и не ври, не больно тебе! Не рожала, так почему знаешь про боль? Впрочем, нет. Родить, наверное, попроще: родил и дальше пошел. А ты эвона, девчуля, неизвестно когда и как ходить-то сможешь, калека, инвалидка. Богатые, они, взаправду говорится, тоже плачут. Но тебе с лица воду не пить, чай не балерина, подумаешь, что хромая. Ах, да, ты ж бесплодная теперича. Поломана вся, изрезана и шита-перешита. Фу-фу-фу! Бррр! Ажно мне тебя голую видеть тошно. Посему держи мужа на коротком поводке и спуску не давай! А то, не сомневайся, найдет себе здоровую, молодую и красивую, чтобы все при всем, а главное - титьки. Ты-то плоскодонка, доска два соска. Но, если поразмыслить, нафига мужику лишние хлопоты? Ведь ежели жена модель, то непременно дрянь, лучше уж со своей законной, какая она есть, век вековать. Нет, авось обойдется, небось любит тебя, глянь, экий букетище притащил, целый куст!», - зычно веселилась она и колола мне баралгин вместо опиоидных анальгетиков, удивляясь, отчего я продолжаю стонать.

Еще тетке нравилось морозить меня, нараспашку открывая окно, потому что иначе «ты тут от духоты окончательно издохнешь», такая форма садизма называлась «проветриванием». Как сейчас помню ее на фоне метели, рвущейся в палату. Притом сама она, заходясь в хриплом кашле, декламировала рецепты народных средств, способствующих отхаркиванию мокроты, с подробным описанием их действия.

Я никому не жаловалась на нее, рассуждая, что черт с ней, с противной бабой, пусть хотя бы ей живется хорошо, спокойно и радостно, а в придачу здоровья всяческого. Раз в три дня ее можно перетерпеть.

Помимо массы прочих недостатков, моя истязательница оказалась жуткой сплетницей и, невзирая на выражаемые мной протесты, считала своим долгом пересказывать истории болезни и жизни всех подведомственных ей пациентов. Это походило на акты дефекации речью, смрадные слова валились из бабьего рта, ее распирало и пучило от собственной осведомленности и значимости.

Общаясь с благодатными людьми, мы, сами того не замечая, волей-неволей впитываем в себя ароматы их душ, благодатные одаривают нас благополучием. Но аналогично происходит и со злом.

Обнаружив, что начала использовать в мышлении пару богатыршиных вульгаризмов, я, наконец-то, опомнилась и попросила мужа избавить меня от ее дежурств.

- Нет, она неплохая. Не имею к ней никаких претензий. Мне жаль, что она недоумевает и огорчается, но наплевать. Как тебе объяснить? У меня на нее аллергическая реакция нервов. Почему? Ума не приложу. Неужели сложно прикрепить ее к кому-нибудь другому? Я вполне оклемалась и не нуждаюсь в ее помощи, - так звучали мои робкие доводы.

- Но тебе и я, и Денис, и даже Дина без надобности. И врачи подмечают, как ты тяготишься посетителями. Смотришь мимо собеседника, не воспринимаешь и половины информации. Допустим, я – отдельный разговор, но Динь-Дени-то и все остальные чем твоему величеству не угодили? Ты меня удручаешь, Светик-Светлячок, - грустно констатировал Николай.

Он не ошибся, я быстро утомлялась от любого общества и мечтала об одиночестве. Дайте мне спокойно лежать, разглядывать скрытые импульсы неподвижных стен, изучать каждую черточку на их, казалось бы, гладкой поверхности. Позвольте внимать тишине и вдумчиво дышать, наблюдая за своим, ставшим чужим, телом, мне необходимо познакомиться с ним ненавязчиво, бестревожно, так, чтобы никто не мешал. Вам не понять, что ваш мир здоровых и самоуверенных кажется мне угнетающе-шумным, суетным, нелепым. Новые правила жизни – новые правила игры. Счастливые забывают, что жизнь – это игра, а потому обречены на поражение, выигрывает тот, кто не ждет ничего хорошего.

Мужниными стараниями медсестру перевели с глаз моих долой в смежный корпус, но мерзкая тетка и оттуда сумела мне нагадить. Изошренной была ее месть, и не говорите, что виновата случайность или простота, которая хуже воровства.

Тот поздний вечер выдался без боли, тихий, уютный, он ласково окутывал меня матовым свечением ночника, желал сладких снов и обещал их. Я погружалась в дрему, но дверь в палату медленно отворилась, впуслав резкий свет коридора. Потянуло сквозняком и страхом, мрачный силуэт заполнил дверной проем, и огромная черная тень, как в ту судьбоносную мартовскую ночь, залила пол и двинулась в мою сторону. Я чуть не закричала, но онемела от ужаса.

Поганая баба-медсестра, кто еще посмел бы явиться к пациенту без стука и так перепугать? Жуликовато прикрыв дверь, она исполинской мышью прошмыгнула ко мне и уселась прямо на постель, едва не передавив выходявшие из меня дренажные трубки. От азарта брызжа слюной и вращая очами, то громко шепча, то приглушенно взвизгивая, она сообщила, что в ожоговое отделение клиники привезли пятнадцатилетнюю умирающую...

Я не хочу, чтобы вас коснулся яд, влитый ею в мои уши, и не стремлюсь к тому, чтобы вы прочувствовали хоть часть того кошмара, что ощутила я, но как иначе вы сможете вникнуть в мое состояние? Ведь описал же Данте девять кругов ада, да так, что уже семь веков все человечество содрогается, читая «Божественную комедию», но никто и не собирается обвинять его.

Баба рассказала мне о девочке, которую изнасиловали и подожгли, вставив пропитанные горячим фитили в рот и в половые органы. Это сделал не маньяк-убийца, а ее одноклассники, обычные детишки из обычных, добропорядочных семей.

Я не верю Данте с его «Божественной комедией», не верю Падмасамбхаве с его «Бардо Тхёдол – Тибетской книгой мертвых». Однако, как два разных человека, находившиеся в противоположных концах света и ничего не знавшие о философиях друг друга, умудрились практически одинаково все изложить? Да, непостижимо, и сверхъестественные совпадения запечатленных ими адов заставляют задуматься об их реальности, но я не верю.

Безусловно, ад есть – он здесь, на земле, и грозит нам не после смерти, а подстерегает при жизни. За что? За грехи? Вовсе нет. Ни за что, за волю рокового случая, за страшный жребий и несчастную долю. О каких богах всемогущих бредят люди? Либо их боги чудовищное зло, либо до абсурдного бессильны и безразличны.

Счастье мимолетно, спокойное бытие хрупко. Весь космос вселенский беспощаден и ужасен. Гаснут звезды, черные дыры поглощают целые галактики, когда-нибудь на Земном шаре не будет не только нас, но и того, что мы называем жизнью. И наша драгоценная планета отнюдь не так мила, радушна и добра, как нам безмятежно представляется. Землетрясения, ураганы, смерчи, цунами, наводнения и засухи, извержения вулканов, обвалы и оползни, снежные бураны и торнадо, эпидемии и пандемии – природные катастрофы из года в год доказывают, что мы не возлюбленные дети Земли, а всего лишь микробиом на ее коже.

Но вся безжалостность природы меркнет в сравнении с жестокостью Homo sapiens, история нашей цивилизации испещрена насилием, разбоем и убийствами. Сколько неисчислимых миллиардов человек погибло и пострадало от рук своих же собратьев?! Нам омерзительна кровожадность и похотливость зверей, но сами мы, как вид, куда гаже.

В каждом из нас кроется частица монстра, воделеющего немислимых, изуверских вещей. Мы пленяемся трагедиями, нам свойственно упиваться тошнотворными картинами, они, как и грех, неизяснимым образом притягивают наше внимание.

В бессонную ночь после визита бабы-медсестры и несколько следующих дней, закрывая глаза, я видела ад, ощущала адский огонь телом души своей сострадающей, переживала то, что выпало испытать истерзанной и заживо сожженной девочке, забегаая вперед, скажу, что она все-таки умерла.

А я жива... Отделалась сложными переломами, разрывом матки и селезенки. Соседская такса нашла меня у подножия Дома на скале, не зря я водила с ней дружбу и всегда гладила при встрече. Она разбудила хозяина, требуя немедленного выгула, и оказавшись на улице, помчалась по моему следу. Животные невероятно умнее и чувствительнее людей, и, несомненно, лучше нас.

Я жива... Три операции, хирургические пластины, гвозди, болты и винты, гипсы, инвалидная коляска и костыли – и так год и девять месяцев, пока я не начала ходить самостоятельно, вместо девяти месяцев беременности.

Я жива, а ребенок нет. Мое мировоззрение претерпело значительную трансформацию, я все думала, плакала и благодарила судьбу и всех богов за то, что он или она так не появились на свет. Действительность категорически не подходит для того, чтобы рожать детей. Говорят, что любовь означает умение отпускать. Редкая мать настолько любит свое дитя, что может его отпустить. Я смогла.

Глава 9

ТИШИНА – ЭТО ЧИСТОТА

Тишина – это чистота, душа нуждается в ней, как тело в омовении. Понемногу все, включая меня, смирились с переменами. До выписки оставалось далеко, но я значительно окрепла и всецело наслаждалась одиночеством. Приноровившись слушать безмолвие, я полюбила его, обрела в нем глубочайшее откровение, лучшего товарища и собеседника. А вернее – сомолчальника, я и тишина, мы неотрывно внимали друг другу, бездвижно плывя в течении времени.

Я научилась беззвучно молиться, созерцая тихое и бесстрастное, словно лунная дорожка на воде, сияние свечи моей молитвы. Молитвы, схожей с пленительной поэмой, вызывающей такое количество образов, чувств и впечатлений, что выразить их удастся лишь благоговением, при котором молвит и поет сердце, а уста молчат, потому как нет слов, позволяющих передать истинный смысл ощущений, не исказив их банальностью.

Ты восторгаешься закатом и восклицаешь, что он прекрасен. Отразил ли ты его суть? Конечно, нет. Ты просто сбил фокусировку божественного видения, нарушил величие вечера.

Во мне обнаружилась способность понимать всех и вся, принимать, не осуждая, и прощать, а главное – отпускать. Никогда еще я не оказывалась настолько больна и беспомощна плотью, но дух мой парил - в полнейшей мере здоровый и свободный.

Почаще зажигайте в сознании своем свечи блага, взирайте на их свет и ведите молчаливую беседу с Мудростью, Истиной, Вечностью. Тогда на вас снизойдет прозрение, что любой конфликт, битва, противостояние, какими бы праведными они не представлялись, неизбежно сами порождают злобу, вражду и пороки.

Силы нужно тратить не на подавление, и тем паче не на уничтожение противника, а на созидание, возвращение и приумножение доброты ко всему живому, в том числе и к врагу. Только посредством добра можно одержать верх над злом. Поверьте, даже непреднамеренная молитва творит чудеса, освещая и малое пространство вокруг себя и всю бесконечность Вселенной.

Благословенной выдалась пора обитания в клинике, она лишила меня привычных дел, занятий и времяпрепровождения, но взамен одарила неизмеримо большим: бескрайним, непознанным, заповедным, восхитительно красочным и удивительным внутренним миром – раньше мне было недосуг путешествовать по нему.

Кто бы мог подумать, что пристанищем, где осуществляются мои самые сокровенные грезы и сбудусь я сама, где вдруг оживут и заговорят бестелесные сущности, являвшиеся мне из более реальной реальности, чем та, в которой я с рождения бестолково мучилась... Что таким уголком предстанет не земля обетованная, а больница. Одноместная палата, в шутку прозванная мной «одиночной». Моя келья, с таинственной, бархатной темнотой, по ночам ворочающейся в закутках и заползающей под мебель.

Палата дышала – я замечала это по едва уловимым колебаниям воздуха, по внезапным прыжкам сверкающих пылинок, что танцевали в пластах солнечного света и смеялись над борющимися за стерильность санитарками.

Палата, на чьих идеально гладких стенах сами собой, из невидимых глазу пор, неровностей и трещинок складывались диковинные узоры и неведомые письмена – я часами всматривалась в них, стараясь разгадать.

И тогда я впервые начала записывать мимолетные, эфемерные сюжеты и действия, оставлять заметки о прогулках по нехоженным тропам осознанности. Мне открылась тайна, известная литераторам: слова, лежащие на бумагу гораздо живее слов, слетающих с губ.

Начинающий писатель непременно подражает полюбившимся ему авторам. Он мечется от жанра к жанру, спотыкается, пытаясь проложить свое русло – случайный источник, мечтающий стать полноводным. Неуклюжий ручеек, подобный множеству других: весенних, сточных, звонких, мутных, но совсем непохожий на реку. Это нормально – он обучается литературной речи. Практикуйте регулярно, пишите и читайте не реже раза в сутки, возьмите за девиз латинское:

«Nulla dies sine lineā»

(Ну́лля ди́эс си́нэ ли́нэа)

«Ни дня без линии; ни дня без строчки».

Так ребенок учится говорить, слушая речь взрослых и имитируя ее, позже у него появится одному ему присущий голос. Придет время, когда вы станете писать, не задумываясь: «А мой ли это слог? Мое ли звучание? Или я копирую родителей своих?» Если вы отбросили такие рассуждения, значит сформировали личный стиль. Вопрос отпал или ответ сделался очевиден – следовательно вы нашли верное решение. Не торопите события, все образуется самостоятельно. Вы прекратите метаться в потемках, набивая шишки, и будете уверенно ступать по собственному пути. Бог и критика вам в помощь.

Дина нахваливала мое новое увлечение, Денис смотрел на него скептически, Николай снисходительно.

Досадно, что Динка крайне несерьезно относится к своим талантам, с азартом хватается за все подряд, без разбору смешивает в своей очаровательной голове бриллианты со стекляшками, и без сожаления выкидывает и то, и другое. Она органично сочетает действительность и чудо, великолепная рассказчица, излагает мысли с ходу, непринужденно, очень увлекательно следить за полетом ее фантазии – вот из кого получилась бы гениальная писательница.

Как сейчас помню начало первого лета в больнице. Колеса инвалидной коляски шуршат по песчаному гравию аллеи. Напоенный теплом и светом воздух восторженно звенит птицами, громче всех, лучше всех и триумфальнее поют соловьи. Зелень утопает в солнце, а солнце утопает в зелени, на смену терпкому аромату отцветающей сирени прорываются сладостные нотки

жасмина, и король цветов - изящный ландыш источает само счастье. Я весела, ведь невозможно грустить в столь славный день. А Дина так рада моему хорошему настроению, что заливается не хуже соловья.

- Ах, Светик, хотела бы я иметь литературные способности. Исключительный, расчудесный дар - берешь и пишешь текст, будто художник картину. И вообще уметь подбирать слова – удобный навык, но мне не дано.

- Не прибедайся, ты необычайно талантлива, только ленишься.

- Не то, чтобы мне лень, пожалуй, просто некогда и жалко расходовать себя на вымысел, пренебрегая настоящим. «Ли-лон ли-ла, ли-лон ли-ла, ли-лон ли-ла, мне лень! Ли-лон ли-ла, ли-лон ли-ла, мне лень, ли-лон ли-ла!», - поет Дина под стать Миледи из советских «Трех мушкетеров». При этом она дирижирует прутиком и нечаянно пугает шмеля, собирающего нектар с медвяной сурепки, растущей вдоль дорожки. Он недовольно шарахается и, прожужжав что-то неодобрительное, скрывается в зарослях одуванчиков.

- Ой, прости, дорогой! - сокрушается она ему вслед, проводив виноватым взглядом, и продолжает: - На кой оно мне надо? Фу! Сесть и сидеть, и думать-думать-думать. Нет, я не потяну. Максимум – притча или эссе.

- Ну и замечательно, пускай будут эссе и притчи. Диночка, прошу тебя, напиши хоть что-нибудь. Без пары-тройки страниц не возвращайся.

- Неее, нетушки, не больше страницы. Впрочем, знаешь, на днях у меня возникла одна идея, которую можно занятно расписать. Про грамотность: почему она с трудом достигается через зубрежку правил, и играючи дается при использовании подсознания, при наработке внутренней речи. Всякий язык имеет свою мелодичность, певучесть, и его изначальные правила строятся не на логике, а на музыкальном слухе. Итальянский, немецкий, французский, китайский, финский, да и любой другой язык, их не перепутаешь, им свойственен определенный напев. Лучшая грамотность обретается благодаря сольфеджио музыки речи, развития музыкально-речевых слуха и памяти.

- Безусловно, Дина, ты права. В каждом языке есть индивидуальная, особенная гармония, звучность. Ты затронула глубокую и красивую тему, ее обязательно стоит раскрыть.

- Да ну, брось, - она тут же теряет интерес к языкам с их мелодиями и переключается на голубей, воркующих и пытливо поглядывающих на нас в поиске пропитания, обращаясь к ним: - Господа, цыпа-цыпа-цыпа, я вас угощу. Не зря семечки куплены. Господа, цыпа-цыпа-цыпа, гули-гули-гули. Все сюда! Бон аппетит.

Что поделаешь с этой девчонкой!

И все-таки в следующий визит она принесла мне тетрадный листок, исписанный своим почерком - неразборчивым, но легким и стремительным, ассоциирующимся у меня со взмахом ласточкиного крыла. Впоследствии я поместила его за тханкой, изображающей богиню Сарасвати и бодхисаттву мудрости Манджушри, Николай подарил мне ее на вторую годовщину нашей свадьбы – бумажную. Я тогда, как и положено, вручила ему книгу, а он привез из деловой поездки в Элисту эту тханку, приняв грунтованную ткань за бумагу.

Сколько лет минуло, те дни теперь далеки, недостижимы, будто тибетская «мать богов» - Джомолунгма (Эверест), а я и Сарасвати бережно храним Динино эссе. Привожу его текст дословно:

«Когда-то, в незапамятные времена, прекрасная, сиятельная и могущественная, но ныне многими забытая богиня Сарасвати преподнесла миру людей, манака-лока, великий дар – речь и письменность, чтобы каждый их звук, слог, слово и фраза наполнились божественным смыслом.

И стали семена звуков благодатными ростками прорастать из уст человеческих, тянуться к небесам, складываться в слоги и расцветать благоуханными словами. Пышные сады речи украшали землю, услаждали слух - уподобились люди птицам сладкоголосым.

Но недостойны оказались жители манака-локи милости Сарасвати – большинство из них суетны, слабы, глупы и ленивы, скоро прискучила им праведность мудрости. Запятнали они пожалованное лучезарной богиней сокровище нечистотами: сквернословием, злословием и пустословием, ложью и сплетнями, руганью и грубостями. Убоявшись высоты, отказались парить в свете, предпочтя ползать в грязи и тлене, сделались жадны, злы, завистливы и тратили силы не на созидание и разумение, а на разрушительные страсти и желания. Пестовали люди свои ненасытно разрастающиеся пороки, попадая к ним в рабство, и других существ заставляли служить себе и безумию своему.

Так попрало человечество законы высшие и породило страшные беззакония, не с богами, а с муравьями сровнялось и возгордилось этим.

Опечалилась богиня, разгневалась и покинула род людской, приходя с тех пор только к избранным из него, единицы становятся любимцами Сарасвати.

Тем, кто поклоняется ей, подобает следить за словами своими, не давая им измараться и обесцениться, должны они ухаживать за речью, как за самой дорогой и трепетной из своих сущностей, оберегать ее, словно зеницу ока, чтить в ней величайший и чудеснейший из даров, явленных миру людей. И тогда будет увидено в сказанном и написанном ими бывшее совершенство и сияние драгоценное».

Глава 10

Я ТЕПЕРЬ ИНАЯ

Время проносится метеором, оглянуться не успели, уже макушка лета, цветут больничные липы, все залито их ароматом и июльским светом. Вы знаете, что липовый цвет источает запах счастья?

Не смолкая, жужжит пчелиная песня, прославляющая каждый цветок и листок, каждый глоток нектара и каждую крупичку пыльцы. Тиха и благодатна небесная лазурь с тонкорунными барашками редких облаков, сладок и целителен будет мед.

Мы сидим под липами, я в инвалидной коляске, а муж с Динь-Денями на скамейке. Николай неторопливо мастерит свистелку из акации, дует в нее, выпуская резкие, немзыкальные звуки, но, посмотрев на мою недовольную гримасу, смущенно выбрасывает истерзанный стручок в траву.

Как раз в тот момент я совершаю открытие, что больше не люблю своего возлюбленного мужа. И причиной тому послужила не измена, не ребенок, не травма, а он сам. То, что мне казалось его плюсами, вдруг обернулось минусами. Какой же он добряк и умница? Разве он мудрец всех любящий и понимающий? Нет, он просто красивый, подтянутый, но начинающий стареть самец, убогий балагур, самоуверенный болван.

Именно тогда я впервые разлюбила Николая так, как нельзя разлюбить мужчину, особенно если этот мужчина твой муж. А еще я поняла, что он разлюбил меня гораздо раньше, чем я его, да и не любил по-настоящему вовсе.

Очень странно, но я, целиком осознавая трагичность явившихся мне прозрений, почему-то не чувствовала себя несчастной. Наоборот, все естество мое переполняло состояние ликующей вольности, беспечного обновления, животворящей легкости, хотелось воспарить и, смеясь, кружиться в воздухе.

Произошедшие метаморфозы заняли считанные мгновения, никто ничего не заметил, не догадался, что я стала необратимо другой.

Вот Денис как ни в чем не бывало сорвал одуванчик и сдувает его пух в ладошки чуть уловимого ветерка. Такой же пушинкой порхает моя вырвавшаяся из оков душа.

Дина роется в рюкзаке, и рыжий котяра из хозблока вальсирует подле нее, глядясь пушистой шерсткой об загорелые ноги благодетельницы, перебирает лапками в такт рокочущему мурлыканью, то и дело сбиваясь и издавая жалобно-требовательное «Мя! Мямя! Мямя!»

- Мама-мама, - соглашается с ним Дина. – Подожди, я корм из пакетиков на бумажку выложу и угощу тебя.

Песик, неистово тащивший за собой поводок с хромым хозяином, притормаживает возле нас, привлеченный Диниными манипуляциями, и виляет хвостом-бубликом: «А чем вы там так вкусно шуршите?»

- Пшшшш-пшшшш. Пшшшел вон! Паршшшш-шивец! – бранится на него кот.

Пес шарается и мчит хозяина дальше.

- Эх, искупаться бы! Занырнуть и, с час не вылезая, лежать и качаться на волнах, - мечтательно восклицаю я. – Лучшая природа - на Финском заливе. Люблю ее и вовек не разлюблю!

И представилась мне дышащая прибоем, искрящаяся солнечным блеском, бескрайняя Балтика. Дивные волны морские, прозрачные у взморья, с ребристыми, золотистыми дюнами на дне, переходящие в цвета зеленоватой стали, отражающей в себе всю синь немыслимо синего неба. На горизонте они, растворяясь в нежнейшей голубоватой дымке, сливаются с высью и образуют единую сферу над кажущейся плоской землей. Воды Финского залива, самые прекрасные, родные, благословенные, текущие вместе с кровью в жилах моих.

Воспоминания, напитанные балтийскими ветрами, оведали мое сознание, чтобы я, переродившаяся, могла взглянуть на все по-новому. Течения, вызванные в памяти, смывали с сердца копоть и ржавчину. «Я теперь иная. Неизвестно, что я стану делать с нынешней собой, но мне удивительно хорошо с ней! Не сейчас, так позже, все наладится, - беззаботно рассуждала я. - Пока ничего не понятно, придется жить обычно, как жила. Мне потребуется навык обращения с обретенной свободой».

- Не понимаю наших туристов, грезящих о тридевятих государствах, - поддержала меня Дина, игравшая прутиком с насытившимся котом. - Люди, живущие в Ингерманландии и не путешествующие по ней, воспринимаются мной словно библиотекари, не читающие книг. Имея под рукой необъятный доступ к замечательнейшим впечатлениям и интереснейшей информации, не пользоваться ими – уму непостижимо! Я из тех, кому «не нужен нам берег турецкий», не из патриотизма, элементарно времени на чужеземные достопримечательности нет, попробуй-ка исходить все здешние красоты, всей жизни не хватит.

- Наши песчаные побережья с соснами... Дюны с ракушками питерских «мидий» - беззубок и перловиц. Перл – это жемчуг. Сколько же я их в детстве переловил в поиске жемчужин, целые тонны, наверное! Не ведал тогда, что они названы так только за перламутровость раковины, - сообщил Николай и в ответ на Динино осуждающее фырканье сконфуженно сник. - Ну да, каюсь, жалко зверюшек, в смысле моллюсков.

«Живодер, - молча возмущаюсь я, - душегуб. Оказывается, он, еще будучи дитем, ни во что не ставил чужие страдания».

- Дюны, сосны... Да, там, где солнце пахнет соснами, а сосны пахнут солнцем, - Денис повторил мою излюбленную фразу и, поковырявшись в мобильнике, продекламировал:

«Я говорю: “Кедр”, - и передаю тебе ощущение его величия. Я окликнул кедр в тебе, и он встрепенулся смолистой хвоей. Заставляя тебя служить любви, я окликаю в тебе любовь - иного средства я не знаю».

- Экзюпери, - улыбнулась Дина и отчего-то стушевалась. – Ты милый, мой Дэн, потому я тебя и люблю.

- Милый Дэн, - Николай приобнял его за плечи и потряс, - наш милый Дэн, тихий, не обуреваемый страстями и пороками. Милей мне север благородный, что с буйством красок не спешит, холодно-царственный и гордый, он никогда не согрешит.

- Но и юг красив, - возражаю я несколько заносчиво, мне претит принимать сторону мужа.

- Юг похож на королеву – независимую, раскрепощенную, пылкую, танцующую регги.

- Скорее чунга-чанга – лето круглый год, - Коля приплясывает, изображая папуаса, раньше бы меня это позабавило, а нынче вызывает отвращение.

- Нет, Светик, не скажи, истинно страстен именно север, он знает толк в любви, а не юг. Ни при каких обстоятельствах не прискучит северная романтика с ее сменой времен года, круг за кругом, друг за другом, вот так, поглядите, - Дина вскочила и принялась танцевать вокруг нас. – Я вам все покажу и распишу, я обращаю вас в веру свою. Вот менуэты льда и снега, вот озорная полька капли и талых вод, безудержный вальс юных цветов под аккомпанемент посвистов скворца и соловьиных трелей. А теперь головокружительное танго изнывающей от чувственности земли, в объятиях солнца, млеющей под его знойными ласками. И, наконец, полонез раскрашенных в золото и рубины листьев, летящих наперегонки с тончайшими нитями паутинок, и обворожительные грустью своей баллады дождей. Вот каков наш север! Что в сравнении с ним однообразное регги юга?

- Браво! – вскричали мы остановившейся и замершей в поклоне Дине. - Бис! Бис! Бис!

- Нет, жарко, я устала, - она возвратилась на скамейку и обмахивалась соломенной шляпкой-канотье, позаимствованной из моего летнего гардероба.

Динино выступление увлекло меня и вынудило забыть обо всем: и о новой себе, и о разлюбленном мной Николае, и о моей злости на него. Счастливо улыбаясь, я повернулась к мужу, желая вместе с ним, наперебой, похвалить танцовщицу. И осеклась... Боже, как он на нее смотрел! Не восторженно, не радостно, не с любовью или нежностью. То был взгляд... Нет, даже не вожеления, а омерзительной, властной похоти.

Но через долю секунды я могла поклясться, что мне все показалось. Подвох света, тени и воображения, не более того, привидится же такое. Я едва успела разлюбить его, а уже столь предвзято отношусь. Как же мы будем жить дальше? Он бесит меня... Не по силам мне... Брошу... Бросить? Но как? Потом... Потом, когда выздоровею...

Чудовищно! Бросить означает причинить ужасную боль, нанести удар в самое сердце. О, боги, я вижу какой он сделается. Понуривший голову, насупленный, неловкий, жалостный, несчастный! Я хочу взять в ладони его сосредоточенное лицо, с припухшими глазами и скорбными морщинами, и, прося прощения, осыпать его поцелуями. А он не выдержит и расплачется, пряча слезы и шмыгая носом, будто разобиженный мальчишка. Бедный мой муж, родной мой, драгоценный, ты не виноват, что перестал быть любовью моей и страстью бесконечной. Я не посмею обрушить на тебя горе, мне этого не вынести. А может стерпится, а может слюбится? Да, стерпится – слюбится. Или нет?

Глава 11

ЯСНЫЙ СВЕТ И ПОКОЙ

«Стерпится-слюбится», - отвечала я себе на бесчисленные «как же дальше?» и «что же делать?». Лишь время может мне помочь, оно расставит все на свои места и устроит идеальным образом. Пусть мудрое время принимает решения за меня, предаюсь его течению и на него уповаю, ибо я грешна, глупа и, пути не разбирая, опасаясь бурь и омутов.

Как не потерпеть крушение и без ущерба перебраться на берега будущего? Не сесть на мель, не затонуть, не напороться на подводные камни, не сбиться с курса, ведь я не одна на корабле под названием «брак», а с мужем своим разлюбленным, с моим Колей-Колей-Николаем. И не виноват он, что перестал быть сердцем моим, душой моей, любовью и страстью

неиссякающей. Я предала супруга, но не имею права отнимать у него иллюзию благополучия, я не прощу себе его разочарования и печали.

Пускай все само, как-нибудь... Подумаешь, множество семейных пар обходятся без любви, главное – уважение и понимание, а еще... сострадание. О боже праведный, сострадательное супружество – какой абсурд! Оставаться вдвоем, прозябать в тюрьме общего быта, чтобы вместе маяться, терзаться и томиться, не давая друг другу ни жить, ни мыслить, не дышать свободно. Расставание крайне тягостно, но необходимо переболеть им, если хочешь надеяться на счастье. Как же поступить?

Не знаю, насколько время толковый советчик, судья, учитель, и в какой мере оно компетентно, как лекарь. Но оно точно лучший специалист по обезболиванию. Ломки от непривычной для меня ипостаси нелюбящей жены и коварной лгуньи спустя неделю прошли. Что же, новые правила жизни – новые правила игры.

А через месяц моему изувеченному телу понадобилось очередное оперативное вмешательство, самое тяжелое и столь проблематичное, что все прочие заботы показались суетой сует. Так нужно и должно, я покорна и несчастна, обречена и... рада. Да, я чувствовала вдохновение, поскольку простила себя. Мученичество придает ореол благородства любому человеку, не только в представлении окружающих, но и в собственной самооценке.

Грядущая операция преобразилась в некую высшую цель, священнодейственный ритуал, в котором мне отводилась роль верховной жрицы, а остальные поклонялись моему культу, воздавая мне помощь и почести. Я вновь направлялась в непостижимый для них мир, кровавый и хирургически стерильный, звенящий тишиной и медицинской сталью, с обнаженным телом и внутренностями. Я – посол между жизнью и смертью.

И вот мои близкие, словно тихие ангелы, врачующие милосердием своим. Они нарочито веселы и беспечны, а в глазах у них – тоскливый страх. Я безропотна, благодарна и довольна, потому что отпускаю им любые грехи и огрехи. Доброта, признательность и нежность, прошедшие через меня в те дни, до сих пор способны сгладить какие угодно острые углы, смягчить самые сокрушительные удары судьбы, уменьшить боль даже неизлечимых душевных ран. Это не высокопарность, а правда.

Я многое поняла из-за той операции, сложнейшей, тянувшейся более шести часов. Легкий укол в плечо, спокойное, ласковое лицо женщины-анестезиолога, склонившееся надо мной. Ее черты скрыты маской, но очевидно, что они тонки и изящны, матовая кожа озарена свежестью и чистотой, дыхание теплое, благоуханное, и голос бархатный, с приятной хрипотцой. Она велит не волноваться, расслабиться, ни о чем не тревожиться, уснуть, отдыхать и набираться сил для выздоровления, заверяет, что все пройдет хорошо. Мне безразличны ее слова, но очень нравится она сама, я спрашиваю, как ее зовут. «Маргарита», – царственно сообщает дама, будто доверяя мне сакральный термин, несомненно она гордится своим именем. «Да, оно прекрасно и исключительно подходит ей», – решаю я и на том засыпаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.